

Владимир Нестеренко

Енисейский губернатор

Избранные главы романа

После объезда городского хозяйства губернатор приказал собрать всех губернских и городских чиновников, а также стражей правопорядка, прокуратуры, купцов и представителей общественности на ознакомительную встречу. В городе знали об упразднении Сибирского генерал-губернаторства с центром в Иркутске, о ревизии Сперанского, о громких разоблачениях в казнокрадстве чиновников и первых руководящих лиц.

Степанова представил прокурор города, зачитав указ императора о назначении губернатором. Последовали бурные аплодисменты и поздравления. Александр Петрович, выше среднего роста, в безупречном мундире с эполетами и орденами на груди, выглядел молодожаво, тёмные волнистые волосы были откинуты направо и не закрывали высокого и чистого лба, зоркие, испытывающие светлые глаза живо отражали его настроение и содержание тех мыслей, какие он собирался излагать. От него веяло здоровьем и энергией, и весь его облик вызывал почтение.

Безусловно, он волновался. В руках у него дарованная государем власть. И немалая власть. Как её употребить на благо народа енисейского, как поставить себя перед обществом? Он готовился к встрече, перебирал мысли, искал то главное содержание в будущем правлении краем и нашёл его. По совету Сперанского — начинать с гласности и не отходить от неё ни на шаг.

— По предложению Сперанского и указу императора великое сибирское пространство разделено, — с некоторой торжественностью в голосе сказал Степанов. — Созданы два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское — в Иркутске. Одновременно енисейские земли оформлены в Енисейскую губернию с центром в Красноярске. В неё входят пять округов. Самый крупный по территории — Енисейский с Туруханским краем, затем Ачинский, Минусинский, Канский и Красноярский. Я осмотрел хозяйство города и пришёл к выводу: Красноярск требует широкой стройки жилья, дорог, объектов культуры, торговых и рабочих домов, развития различных производств. Государь будет нам помогать казной, но и мы сами

обязаны создать свой крепкий бюджет, расходовать его строго и без мошенничества, дабы не попасть под карающую десницу ревизии, что случилось с прежними чиновниками вплоть до самых высших голов. Посмотрите, что творилось в Сибирском генерал-губернаторстве. Сперанский, до мозга костей государственный человек, строгий радетель за исполнение законов российских, ведя ревизию, в сердцах говорил: «В Тобольске я всех отдал под суд, в Иркутске я бы всех повесил...»

Александр Петрович пристально всмотрелся в лица собравшихся, изучая реакцию на эти грозные слова, и увидел, как собрание притихло, не стало слышно шорохов, кашля и даже сопения. Многие вжали головы в плечи и уронили свои взгляды в пол. Это не понравилось губернатору. Чего бояться строгостей, если руки и душа твоя чисты, а помыслы светлы? Служа в Калуге прокурором, ему приходилось не раз сталкиваться с разоблачением мздоимства чиновников. Сам он жил по тому принципу, суть которого несколько позднее выразил Пушкин: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы». Этот лейтмотив, как закон для души, он пронёс до конца дней своих. Свобода действий ему была дана государем, и он готов полностью отдаться развитию обширнейшего края — от солнечного юга до скованных мерзлотой тундр. Он не будет жесток, но справедлив и постарается подарить людям сгусток своего усердия и добра на нелёгком поприще губернаторства.

— Сочту своим долгом донести до почтенного собрания выдержки из доклада Сперанского императору о результатах ревизии и примеры поведения жителей и чиновников некоторых волостей в нашей губернии.

Александр Петрович с присущей ему эмоциональностью изложил удручающую картину чиновничьего произвола и самовластия.

На многие тысячи вёрст раскинулась Сибирь, оторванная от действенного контроля за делами чиновников. Взятки в некоторых волостях включали в расходную часть местных бюджетов. Народ роптал, слал жалобы в столицу, разоблачая

лихоимцев. Послания перехватывались, а жалобщики жевали со света. Иркутскому мещанину Саломатову все пути в столицу были закрыты. Он не смирился и через Китай пробрался в Петербург, вручил своё письмо лично государю о злоупотреблениях чиновников и просил избавить Сибирь от тиранства генерал-губернатора Пестеля. Государь был крайне возмущён изложенными фактами злоупотреблений и в марте тысяча восемьсот восемнадцатого года назначил генерал-губернатором Михаила Михайловича Сперанского, предписав ему провести ревизию. Облечённый доверием и властью, Сперанский стал быстро вскрывать гнойники произвола на своём пути в Иркутск. Жители, узнав о движении борца с лихоимством, выбегали на дрогу из леса, бросали обличительные письма и хоронились в дёбрях, боясь своего начальства. Вам, думаю, известно, как несколько лет назад енисейский городничий Кукалевский показал свою чудовищную натуру. Этот столп самодурства запряг в телегу чиновников и прокатился на них по городу за то, что они просили сменить Кукалевского, ибо он жесток, взяточник и пьяница. Дело было спущено на тормозах до ревизии Сперанского. В Канске был арестован исправник Фёдор Лоскутов. Жители поначалу не верили в возмездие, трепетали. Сперанский приказал собрать на Лоскутова улики. На него было подано почти триста жалоб, стоимость описанного имущества доходила без малого до полутора сот тысяч рублей. Объявленная Сперанским гласность приносила свои плоды. Крестьяне Частостровской волости Василий Кужлев и Михайло Баталов принесли жалобу на произвол местного начальства. Из сбивчивых рассказов выходило, что тридцать человек поселян без причин признаны бунтовщиками, высланы в тайгу. Разбирательство показало, что с крестьян собирали «подарки». Кто же отказывался подносить мзду, того голова и писарь заковывали в цепи. Лихоимцы смещены с должностей. Крестьяне Нахвальской волости Егор Бузунов и Никита Стародумов со товарищи жаловались на сухобузимского комиссара Ляхова и писаря Смирёхина, которые избивали крестьян и требовали денежные подарки. Ляхов обобрал жителей более чем на шесть тысяч рублей, писарю перепало около тысячи рублей.

— Как вы, господа, служба государю, допускали такой произвол? Обязанность каждого чиновника — усердно выполнять возложенные на нас государем обязанности, ни в чём не запятнать свою честь, особенно мздоимством. Я буду способствовать тому ревизиями...

Мёртвая тишина продолжала царить в зале. Если бы упал с дерева лист, то слышно было бы, как он падает. Сие настроение публики губернатора всё больше настораживало. «Нечистые, видать, многие на руку. Посмотрим».

— Правильна-а!... — раздался вдруг зычный голос купца третьей гильдии Матонина из Сухобузимской землицы.

Губернатору по его просьбе о предпринимателях промыслов уж докладывали, как он развернулся на тех подтаёжных просторах с коневодством. Начав с небольшого косяка, Матонин теперь потерял счёт рысакам, торгует широко и успешно, слывет меценатом в своей волости, строит храм. Дела такого человека находят всяческую поддержку у населения и чиновников.

— Ваши дела, господин Матонин, образчик для каждого предпринимателя. Умелое использование природных ресурсов: пашни, лугов для покосов и выпасов, разведение скота, строительство ферм, — мной будут всячески поддержаны, — сказал Степанов и услышал одобрительные возгласы, один из которых принадлежал тридцатилетнему коллежскому асессору, сидящему в переднем ряду. — В целом местное самоуправление будет основано на принципах выборности, гласности и строгого контроля за соблюдением законности, — подвёл итог разговора Степанов.

Накануне губернатор вёл заочное знакомство с чиновниками, изучал формуляры каждого. Порадовался заслугами председатель губернского суда надворный советник Алексей Иванович Мартос. Его ровесник, он имел ордена Святого Владимира, Святой Анны, кавалер императорской серебряной медали 1812 года, имеет увлечение литературой, по своему профилю пишет и публикует статьи. Отметил для себя: «Надо познакомиться поближе, искать в нём опору в соблюдении законности. Надёжный круг людей всегда поднимает авторитет руководителя, помогает решать назревшие проблемы и задачи». Вспомнил слова Сперанского: «Законы у нас хорошие, да некому их исполнять».

Вот и знакомое имя! Подумал: однофамилец или тот новгородский офицер Коновалов, с которым довелось соприкоснуться, занимаясь снабжением армии в ходе изгнания с родной земли французов? Увидев сидящего впереди бравого молодого человека с пшеничными усиками, узнал в нём господина Коновалова. Закончив очное знакомство с чиновниками, Степанов пригласил его благородие в свой кабинет, который обустроил быстро. С высокими окнами кабинет был светел, в простенке меж ними помещён в полный рост портрет императора Александра I. Широкий и массивный стол покрыт зелёным сукном. Его любил губернатор, отождествляя этот цвет с зеленью лугов и лесов. Книжный шкаф под стеклом занимал глухую стену едва ли не наполовину. В нём различные справочники с законами империи, географического общества, современные столичные журналы «Сын Отечества», «Отечественные записки», томики «Труды» Московского университета, в которых напечатаны поэмы «Суворов», «Песнь победы

спасителя Отечества», публицистика «Предания о Калуге». Плотны стоят романы на русском, итальянском, немецком и французском языках, которые губернатор хорошо знал. У входа размещён полированный гардероб.

Коновалов незамедлительно явился. Широко сияя улыбкой, переступив порог, щёлкнул по-военному каблуками, представился:

— Ваше превосходительство, коллежский асессор Иван Иванович Коновалов к вашим услугам.

— Приятно встретить в столь далёком крае знакомого человека, — сказал Степанов, выходя навстречу из-за стола, протягивая руку для пожатия и показывая тем самым благостное к нему расположение.

— И я несказанно рад, ваше превосходительство, — ответил Иван Иванович, с удовольствием пожимая руку, — и жаждал встречи, чтобы высказать свои соображения в отношении одного промысла.

— Садитесь, ваше благородие, вспомним о былом. Вы, кажется, были хорошо знакомы с Батеньковым?

— Служил секретарём в Томской казённой экспедиции и часто соприкасался с Гавриилом Степановичем. По его же рекомендации был направлен сюда и назначен начальником Третьего отделения Губернского совета Енисейского губернского правления с годовым жалованием тысяча пятьсот рублей.

— Похвально. Я предполагал сие. В таком случае к вам надо обращаться «высокоблагородие». В ваших обязанностях расписана хозяйственная, финансовая деятельность, строительство дорог, мостов, административных зданий, школ и даже тюрем. Ваше утверждение оформлено высочайшим приказом. Кто ещё ходатайствовал о вас?

— Я получил предписание Сената прибыть в Красноярск во второй половине сентября прошлого года. Поскольку до вашего прибытия в город дела курировал генерал-губернатор Восточной Сибири Александр Степанович Лавинский, то поручил мне приобрести в Санкт-Петербурге книги для присутственных мест, свод российских законов. Потому прежде пришлось побывать в Петербурге, и сюда прибыл лишь в первых числах января текущего года, зато с солидным багажом первостепенных книг.

— Свод законов — главное наше богатство. Изучать, дорожить и выполнять неукоснительно — лишь в том я вижу успех в развитии губернии и нашего государства.

— Я полностью разделяю вашу точку зрения.

— Похвально. Так в чём же заключается ваш промысел?

Коновалов шевельнулся на стуле, как бы усаживаясь поудобнее, гася своё волнение, уверенно стал излагать:

— Вы, очевидно, обратили внимание на то, что окна домов затянуты бычьими пузырями и слюдой. Нет стекла. Везти сей товар в Сибирь накладно. Я только позавчера вернулся из поездки в Ачинск. Вы его проезжали, он лежит в двухстах верстах от нас на запад. Туда ехал — снега с местных сопок не сошли. Теперь же, возвращаясь, они открылись, и я увидел россыпи кварцевого песка. Мне приходилось изучать горное и плавильное дело, знаком с производством стекла из кварцитов. Здесь же я увидел сплошные зернистые массы. Они доступны для разработки, рядом течёт река Кача, тайга с добротным древесным. Вот я и загорелся: это богатство надо взять, построить стеклоделательный завод, обеспечить все дома в Красноярске и в губернии стеклом, посудой, бутылками. Торговать таким товаром с соседями!

— Государь, напутствуя меня на губернаторство, предлагал развивать новые производства, при случае писать на высочайшее имя, его поддержка будет незамедлительная.

— Слово, ваше превосходительство, нам и карты в руки?

— Безусловно, но вы губернский чиновник и не простого ранга. Закон не позволяет вам заниматься промыслом.

— Я знаю об этом, ваше превосходительство. Моя матушка Анна Гавриловна, овдовев, приехала со мной. Она титулярная советница, весьма образованная и расторопная. Я уж выложил ей свою задумку и предлагал писать прошение по инстанции на выделение участка земли под строительство и на разрешение производства стекла и стекольного разнообразного ассортимента. Все документы оформим на её имя.

— Вижу у вас неумную энергию и порывистость, под стать той, какая была в отражении наполеоновского нашествия. Кстати, моя матушка успешно ведёт своё хозяйство в родовом имении, расширяет его, хотя некоторые помещики говорят, что это не женское дело, — Степанов саркастически усмехнулся, как бы адресуя свой сарказм недомыслам. — Надо всё хорошо продумать, провести расчёты, написать проект, разыскать специалистов. И я только «за»!

Окрылённый поддержкой губернатора, Иван Коновалов углубился в изучение производства стекла, разослал письма знакомым мастерам о существовании нового промысла, о богатых залежах кварцевого песка, с просьбой о сотрудничестве и составлении проекта. Мастера откликнулись, один из них изъявил желание прибыть на место и участвовать в деле.

В мае расчёты и проект завода были сделаны, обсуждены в узком кругу чиновников, одобрены Степановым. Здесь же Александр Петрович познакомился с Анной Гавриловной, расспросил барыню о прошлых занятиях и о том, какими ресурсами

располагает, увидел в ней энергичную цельную натуру, под стать своей матушке.

— Покойный Коновалов, царствие ему небесное, оставил достаточный капитал для начала стройки. Как только получим высочайшее позволение, к нам переедут мои крепостные крестьяне. Среди них мастеровые люди. Недостающую казну надеюсь ссудить в губернском казначействе, коли имеется ваше расположение для открытия промысла.

Анна Гавриловна во многом напоминала матушку Пелагею Степановну: сухопарой подвижной фигурой, скромной и практичной одеждой, а главное — неуёмной энергией и рачительностью.

— Полагайтесь на мою полную поддержку, Анна Гавриловна. Перспективный промысел для губернии важен, как воздух. Это прилив в губернию новых людей, пополнение губернской казны. Вы написали прошение на имя императора об открытии стеклоделательного промысла?

— Да, ваше превосходительство.

Анна Гавриловна подала губернатору лист, исписанный каллиграфическим почерком; он принял, прочитал, завизировал, приложил к нему документы проекта с расчётами.

— Отправим сии бумаги через губернскую канцелярию с курьерской почтой. Будем ждать ответ да готовиться к стройке завода.

Степанов сделал паузу, собираясь с мыслями, стоит ли теперь говорить об этом всегда неприятном для собеседников вопросе, но не вынести его он не мог по своему убеждению.

— Единственное, что для сибирских мест нехарактерно, так это крепостничество, госпожа Анна Гавриловна. По роду своему тут люди вольные, помещиков нет. Вам надо, матушка моя, как-то сглаживать сие обстоятельство, умалчивать, ладить с местными людьми.

— Обсуждали мы с сыном проблему, — барыня нахмурилась, даже вспыхнула изнутри, что не осталось незамеченным губернатором, но вспышка тут же погасла. — Решили мы своих мужиков держать на равных с вольными по части жалования, семейного житья, обучения новому делу. — Будем считать, что назревшие вопросы решены, — губернатор легко поднялся из неглубокого кресла, обшитого зелёным бархатом, прошёл к Анне Гавриловне, подал ей руку. — Позвольте, я вас провожу и дам распоряжение об отправке почты.

Ответ был получен в июле. Для строительства стеклоделательного завода нарезалось триста десятин земли на берегу реки Качи в Заледевской волости, в сорока шести верстах от Красноярска. Из Москвы приехал мастер стекольного дела, под его надзором Анна Гавриловна с сыном развернули стройку. Расчистили площадку для завода, для домов хозяевам и мастерам, для жилого барака чернорабочим, для бани и лавки. Лес для стройки брали вблизи. Почти сразу же занялись

разработкой месторождения кварцевых залежей, перевозкой сырья на площадку.

Губернатор часто наезжал на стройку. Контролировал не только расход взятой госпожой Коноваловой ссуды, но и быт, зарплату рабочим, которая достигала до шестисот рублей в год для постоянных и от двадцати и выше для временных.

Стройка завершалась. Кроме внушительного размера завода, вдоль реки выросли жилые и хозяйственные постройки. Люди называли поселение прозаически — Стекольный. В очередной приезд, незадолго до пуска производства стекла, губернатор вместе с Анной Гавриловной и Иваном Ивановичем Коноваловыми осмотрел стройку и, удовлетворённый делами расторопных хозяев, спросил о том, как будет официально называться посёлок. Иван Иванович ответил:

— С матушкой думали над названием. Недавно во сне мне явилось знамение Святой Богородицы. Видение этой иконы объясняю тем, что мои предки и я родом из Новгородской губернии. Знаменская икона явила свою чудотворную силу во время осады Новгорода суздальцами и особенно почитаема новгородцами. Вот мы и решили назвать поселение Знаменский.

— Просим вашего на то согласия, — поддержала Анна Гавриловна сына, — дабы в документах именовать промысел так: стекольный промысел Знаменский. Доброе наречение сулит удачу.

— Красивое, поэтическое название, — согласился Степанов. — Утвердим на Губернском совете. На дворе весна в разгаре. На какой день думаете назначить первую плавку и открытие завода?

— Торопимся успеть ко дню подачи прошения, ваше превосходительство. Приглашаем вас на церемонию проката первого стекольного листа. — С Богом, матушка Анна Гавриловна. Непременно буду.

Открытие завода состоялось в назначенный срок. Для стекольщиков был накрыт стол. Прибыл губернатор. Вместе с Анной Гавриловной под балаечную плясовую они разрезали ленточку у входа завода, а мастера вынесли первое, ещё горячее полотно стекла. В торжественной обстановке об него была разбита бутылка шампанского. Грянули аплодисменты и бравурные возгласы. Слово взял Александр Петрович. С губернаторской лентой через плечо, в парадном камзоле, с орденами на груди, он сказал:

— Господа заводчане, ваш завод — первая ласточка промышленного производства на красноярской земле. Нам с вами осваивать енисейские благодатные просторы. Государь наш Александр Павлович следует традициям великих государей земли русской. Повелением первого царя российского Ивана Грозного основаны Тобольск и Тюмень — центры освоения Сибири, далее Томск. Пётр Великий продолжил возводить города и крепости. Казаuchy

отряды основали на берегу Иртыша Омск, поднялись вверх по течению и построили две крепости Семь Палаток—теперь именуемые городом Семипалатинском, на слиянии горной реки Ульбы с Иртышом заложили крепость Усть-Каменная. Через сто лет эти крепости выросли в крупные поселения, они дают хлеб, мясо, рыбу, пушнину, золото, серебро, слюду. Ваш завод, надеюсь, будет выпускать в потребном количестве оконное стекло, широкий набор посуды, различных изделий, обеспечит не только жителей нашей губернии, но будет продавать соседям, чем прославит наш край¹.

Губернатор подал знак, казаки, прибывшие с губернатором на двух подводках и ставшие тут же, запустили фейерверк. Несмотря на то, что вечер был ещё светел, огненные шары, взлетев высоко над промыслом, рассыпались в мириады фонариков и медленно осели. Фейерверк вспыхивал трижды. Затем ударили в струны балалаечники, голосистые парни и девки подхватили народную мелодию с куплетами, пустились в плясовую. По знаку Анны Герасимовны работный люд в нарядных одеждах и все присутствующие уселись за богато накрытый длинный стол. Певцы громко-голосом исполнили «Боже, царя храни», и трапеза началась.

Картина с нищим на паперти не давала покоя губернатору. В первые дни знакомства с городом он не раз видел подобное у питейных домов и, спустя полтора месяца после приезда, собрал губернский актив, чтобы учредить Приказ общественного призрения как один из главнейших в жизни общества, поскольку он охватывал многие стороны. Кстати, Александр Петрович, философствуя,

пришёл к мысли, что название довольно неудачное, трудно воспринимаемое простым людом. Понятнее было бы, назови дело—благотворительным. Общество должно помогать тем, кто не смог найти себя в суровой жизни, оказавшись сиротой, больным или преступившим закон. Эти люди нуждаются, по закону Божию, в помощи, в защите, пусть в какой-то доле призрения, то есть в обеспечении кровом и питанием, но в большей степени—в сочувствии и прощении. Помощь эта должна прийти от власти, от него. Прежде всего, требуется построить больницы, вместительный дом для приюта нищих и убогих, создать работные дома, в которых бы они могли трудиться, зарабатывая на жизнь.

Собрание готовилось несколько дней. На конторе красовалось расклеенное объявление: «2 мая 1823 года открывается Приказ общественного призрения». В зале собрались городские и губернские чиновники, депутаты думы, купцы, многочисленные представители казачества и поселян. Мест на лавках и креслах не хватало. Люди теснились в проходах, на галёрке, впереди, перед кафедрой, где за столом, склонился над бумагами секретарь Родюков, расселись прямо на полу полдюжины сирот и убогих граждан. Зал нестройно гудел голосами, хлопал дверями, взрывался кашлем. Вился табачный дым. Люди неспешно размещались, ожидали губернатора и городского голову (он же и председатель совета).

Губернатор появился во всём блеске своей статной фигуры, блистающий орденами, пышущий здоровьем и неукротимой энергией, поражая его собравшихся. За ним шёл Иван Тихонович Гаврилов. Степанов остановился перед столом на кромке кафедры, на полметра возвышающейся против кресел и лавок, поклонился собранию, выбросил вперёд руку, обратился с речью:

—Граждане Красноярские!² Государю императору угодно было озарить вниманием своим город наш, возведя его на степень губернского. С ним получили вы преимущественные открытые знаки Его милости. Знаки сии заключаются в правах, предоставленных единственно городам управляющим. Посреди вас заключаются ныне места и лица, которые имеют силу ходатайствовать непосредственно о благе вашем и предохранять от зла при самом его зарождении, посреди вас существует уже то средство, чрез которое сострадательному сердцу нашего Государя угодно изливает милости и благодеяния на слабое и страждущее человечество. Я разумею, любезные граждане, под сим средством обязанности Приказа общественного призрения, открытого нынешнего числа в городе Красноярске, по предписанию Господина Генерал-губернатора Восточной Сибири. Приказ общественного призрения печётся о просвещении умов и сердец, принимает сирот оставленных, доставляет излечение

-
1. Знаменский стеклоделательный завод производил листовое стекло для окон, посуду для питейных заведений, аптек и домашнего обихода: бутылки, штофы, полуштофы, четвертушки и осьмушки, кувшины, графины, уксусники, рюмки, кружки, стаканы, колбы, реторты. Владельцы завода поставляли стеклянные изделия в разные города и местности Енисейской, Иркутской и Томской губерний. Анна Гавриловна получила в Красноярском окружном казначействе гильдейские свидетельства и три билета на лавки, числилась иногородней купчихой 3-й гильдии с объявленным капиталом 8000 руб. Имела оборот 40 000 руб. во внутренней торговле по г. Красноярску, а по Красноярскому уезду—60 000 руб. Оборот торговли за пределами Енисейской губернии достигал 50 000 руб., вывоз из других губерний—90 000 руб. Это было больше, чем результаты всех остальных красноярских купцов, вместе взятых. В 1833 году при стеклозаводе была построена церковь во имя иконы Божьей Матери «Знамение».
 2. Текст обращения в сокращении приведён из подлинника, извлечённого из фонда городской думы, с сохранением орфографии и пунктуации Степанова.

больным, успокаивает престарелых; даёт приют увечным и, наконец, исправляет преступные слабости людей.

— Сей спущен нам во благодеяния с небес! — раздался звонкий глас одного из убогих, привставшего на колени и бухнувшегося лбом об пол в земном поклоне.

По залу прошлестел ветер удивления точности смысла реплики и ропот дерзости убогого. Степанов, сделав короткую паузу, улыбнувшись, продолжил:

— Спрашиваю вас, Граждане Красноярские, не есть ли это предмет, которым научает нас закон Божий? Чтобы, исполняя оные, удостоились мы благословения небес? Спрашиваю вас: не велика ли к нам милость Государя Императора, что посылает нам средства исполнять власть и долг Граждан и долг Христиан! Если это так, то приглашаю вас на встречу к благодеяниям царя и церкви. Совокупитесь вместе и постройте храмы для благодеяния. Есть между вами люди, есть такие, которые могли бы и сами, без помощи других, приступить к строению какого-либо из благотельных заведений, мною упомянутых, но не всякий имеет столь благородное стремление к добру и пользе своих ближних, как благотельный мещанин Иван Никитич Яковлев, объявивший желание построить своим иждивением каменный Воспитательный дом. До слуха моего дошло, что Граждане Енисейские давно уже ожидают открытия Приказа общественного призрения, чтоб обнаружить великодушное чувство своё к благодеяниям, стыдно было бы Красноярску пребывать в бездействии. Скажут: Граждане Енисейские гораздо могущественные; но сила в немощи совершается: живой пример тому — бедный мещанин Яковлев. Впрочем, я уверен, что вообще Граждане Красноярские, покрытые благорастворённым небом, окружённые величественным Енисеем и прекраснейшими своими долинами, столько же будут щедры для человечества, сколько милостив к нам Творец Небесный. Уверен, что жители Красноярска не поскупятся для поддержания открывшегося ныне Приказа общественного призрения. Все вспомоществования, которые угодно кому будет принести в жертву человеколюбия, должны быть отдаваемы в Градскую Думу, при внесении в список имён сих людей человеколюбивых; Градская же Дума, при своём отношении, перешлёт их в Приказ. Енисейский гражданский губернатор Степанов.

Александр Петрович, закончив говорить, снова поклонился собранию, прошёл за стол и, прежде чем сесть, сказал:

— Предписываю городской думе распространить в списках, зачитать на сходе горожан, чтобы каждый гражданин Красноярска знал о моём обращении. Руководство работой Приказа возложу

на статского советника, председателя губернского правления господина Галкина. Председательствовать на заседаниях, заслушивать отчёты о деятельности членов Приказа по закону будет губернатор. На содержание благотворительных заведений казна выделяет пятнадцать тысяч рублей.

В зале раздались аплодисменты в адрес оратора. Удовлетворённый Степанов сел на стул в центре стола, тихо спросил у Гаврилова:

— Где же тот убогий с паперти?

— Преставился, ваше превосходительство, от чохотки. Царствие ему небесное, — также тихо ответил Гаврилов.

— Продолжим наше собрание, — сказал секретарь Иван Григорьевич Родюков. — Прошу высказать мнение о пожертвовании Приказу.

Сидящий за столом Иван Тихонович Гаврилов поднялся, крикнул в кулак, затем вынул из внутреннего кармана кителя пачку ассигнаций, с задором взмахивая рукой, положил на стол перед губернатором.

— Открывайте список, господин Родюков, моей фамилией. Дарю Приказу пятьдесят рублей!

— Bravo! Bravo! — раздались возгласы в зале, и загрели аплодисменты.

На кафедру поднялся купец третьей гильдии в синем камзоле с золочёными пуговицами Иван Никитич Яковлев. Он широким жестом правой руки повелел:

— Пишите, господин Родюков: возведу каменный воспитательный дом. Фундамент заложу этим же летом. Покамест отведу для ночлега убогим и сиротам тёплый сарай на задах своего присутствия. Утеплю его, поставлю печь, полати, отгорожу забором. Обозначьте в документе мои слова!

— Записал, Иван Никитич, записал, удостоверьтесь, — отвечал Родюков под гром аплодисментов зала.

— Благо, благо! — возопили сидящие на полу убогие. — Господь воздаст вам, уготовит дорогу в рай!

Не остались в долгу чиновники, казаки, купцы, мещане. Список пожертвований пополнялся. Сумма выросла до пятисот сорока пяти рублей. Красноярский купец Кузнецов обязался отдать каменный дом для больницы, что и сделал впоследствии. Степанов смотрел на подателей с улыбкой, отпуская одобрительные междометия каждому, делал выводы в целом о добропорядочности своих подчинённых, намечая круг своей опоры в предстоящих делах. Продолжая заботиться о здоровье граждан, Степанов несколько позднее разослал циркуляры в решающие инстанции с просьбой об открытии первой в городе аптеки. И неожиданно для него на призыв откликнулся аптекарь Руммель из Нижнего Новгорода, готовый основать фармацевтическое заведение в Красноярске, закупив и отправив обозом медикаменты на две тысячи рублей.

После решённого вопроса со строительством стеклозавода, детального знакомства с людьми и хозяйством Красноярска Степанов собрался побывать в округах губернии. Первоначально избрал Канский округ, лежащий на востоке. Предстояло переплыть Енисей, который поднимался от хлынувшего майского тепла. Губернатора взялся сопровождать градоначальник Гаврилов. Был он весьма расторопен и инициативен, стремился краткими циркулярами, подражая Степанову, озадачить своих подчинённых. В инструкции мещанину Семёну Бардохоеву, отвечающему за перевоз людей и грузов через Енисей, требует: «Перевозчиком всегда находиться на месте без отлучки, не пить водку, не затевать ссор между собой, а если случится из ряда вон происшествие, немедленно докладывать городскому голове».

Губернатор читал этот наказ, одобрил и посоветовал подобные наставления написать мещанам, которые содержат заезжий двор, отвечают за чистоту улиц, обслуживают работные дома. Гаврилов охотно принял совет.

— Не оставляйте, господа, морщины недоделок. Утюжьте вопросы до полной ясности и готовности, — наставлял Степанов своих подчинённых и приводил в пример усердие градоначальника. — Циркуляры Гаврилова лаконичны, с конкретной задачей, зарегистрированы. Ибо это документ, и по нему проще спрашивать. Этому учит нас великий реформатор и законник Михаил Михайлович Сперанский. Если надо, спрашивайте совета у меня, как я продолжаю спрашивать совета у Сперанского.

Пример Гаврилова и поддержка губернатора положительно сказались в хозяйственном строительстве. Представилась возможность на месте увидеть пользу от таких наставлений.

— Теперь же мы посмотрим, как выполняются ваши указы перевозчики, — сказал губернатор, отправляясь к переправе через Енисей.

Она находилась недалеко от устья Качи, где теснились заросли кустарника. Ветер подхватывал аромат белоглазой черёмухи, разносил его по окрестностям, подогревал тёплое настроение путников; выбрасывали серёжки осина и берёза; местами желтели гирлянды отцветающей ивы; на соснах с южной стороны проклюнулись крохотные изумрудные кисточки, торопясь использовать короткое тепло и вытянуться за лето на целый вершок. Александр Петрович сравнивал эти доли с родными калужскими, убеждаясь, что по красоте они не уступают, только запоздало распускаются.

Возбудили любопытство сильный голос кряквы, донёсшийся из рукава реки, и шумный гогот серых гусей, избравших в плавнях свои гнездовья. Гаврилов пояснил, что в пойме есть острова и в протоках

много водоплавающей дичи, на которую охотятся азартные мужики, особенно из казаков.

Семён Бардохоев со своим напарником не повели, были на месте, показали сноровку и умение управлять паромом в норовистом течении Енисея и тут же получили похвалу от губернатора.

Вернувшись домой из поездки в Ачинский округ, Александр Петрович заметил некоторые перемены в настроении Екатерины Федосеевны, хотя встретила она его под вечер с распостёртыми объятиями. Александр Петрович нежно поцеловал жену, снял дорожный пропылившийся плащ, который подхватил слуга, прошёл в гостиную, где на столе пестрел разноцветьем букет поздних цветов. Екатерина Федосеевна всегда любила цветы, заказывала в оранжерее. Здесь оранжереи не было, но имелись любители выращивать хризантемы, розы, георгины на участках при домах. Эти были оттуда, кем принесённые для него — не важно. Вспомнились цветы в собственной оранжерее в Ловати, как он и жена с любовью ухаживали за ними, как срезали бутоны, комплектуя великолепные букеты, и несли в дом, ставили в хрустальные вазы. Благоуханный аромат держался в гостиной несколько дней, затем букеты обновлялись, что стало обыденным явлением, а теперь — дорогими сердцу воспоминаниями.

— Как вы тут без меня, скучаете? Как наши Владик и Люда? — чувствительно говорил Александр, привлекая к себе жену, слыша голоса своих детей из детской, особенно пятилетней Люды, прибывшей недавно к родителям с гувернанткой. Пелагея Степановна отписала о том, что жалуется в последнее время на здоровье, потому решила внучку отослать в семью. — Что-то ты, душа моя, невесёлая.

— Нет-нет. Разве не с улыбкой я тебя встретила? — С улыбкой, а в глазах грусть. Скучно. Я понимаю, нет привычного общества, твоих конкуртов на приёмх. Только и забот — за малышами, письма сыновьям да ожидания ответа и моего приезда.

— Не буду лукавить — сказывается. Дом, гостиная, казалось бы, устроенная не хуже прежней в Петербурге, — держат меня на цепи. Портреты наших предков меня больше не бодрят, а в чём-то укоряют. Стараюсь разговаривать с Богом посредством молитв, хождением на службы в собор, но не нахожу для себя удовлетворения.

— Что ж, здесь нет ничего крамольного, у тебя в душе растёт маленький бунт против безделья. Ты хорошо образована как в русской словесности, так и музыкально. Мы открываем школу — одноклассное приходское училище для детей всех сословий. Будем учить грамоте, чистописанию и четырём правилам арифметики. К тому же, я думаю, надо учить детей музыке, готовить их для поступления в губернское училище. Учителей не хватает, — Александр Петрович хоть и устал с дороги, но говорил

с подбёгом, вдохновенно, заражая энтузиазмом жену.— Начнём с этой школы. Возьми на себя труд обучать детей грамоте и музыке. Как, согласна?

— Я жутко робею. Каков же уровень преподавания в городе?

— Я поднял архив и выяснил, что в середине прошлого столетия в Красноярске работала латинская школа для обучения детей духовенства. Учительствовал протопоп Алексей Михайловский. Затем школу перевели в Енисейск, передав по три псалтыря, часослова, учебника грамматики латинского языка итальянца Альваро. Через несколько лет школа вновь была открыта в Красноярске, в ней учились двадцать четыре подростка. Школу преобразовали в славяно-латинскую, что ближе к нашим запросам. Изучали церковную и русскую грамоты, учились петь по нотам. Из-за недостатка средств и слабого преподавания школу снова закрыли.

— Каковым же преподавателем окажусь я, мой друг? Я на досуге размышляла над вопросом, но не решалась тебя обременять.

— И напрасно! Император следует заветам своей великой бабушки—просвещать все сословия. Императрица, ты знаешь, утвердила «Положение о народных училищах». И при её жизни в Красноярске открылось народное училище. Занятия проходили в трапезной Воскресенского собора. Училище считалось самым крупным в Сибири. Обучалось около ста детей, среди них чуть больше дюжины—купеческие. И что примечательно—три девочки. Из-за тощей казны училище закрылось. — Немудрено, что образование народа хромает на обе ноги, тащится в хвосте у большинства европейских стран,—с горечью отозвалась Екатерина.

— Именно! Второй раз училище открылось четыре года назад. Оно действует и сейчас, но учителей по-прежнему не хватает. Собираемся также открыть училище для солдатских детей и казачества. Здесь стоит целый казачий полк. Семьи многодетные—будущая государева опора.

— Какие инструменты есть в открывающемся училище?

— По сути—ничего. Купец Иван Новиков подарил неполный струнный оркестр. Обещает привезти пианино. Есть в городе и в казачьих станицах прекрасные балалаечники. Играют народные плясовые. Есть гармонисты. Показывают себя на ярмарках да на вечеринках. Их надо собрать в кружки, наладить меж ними общение, развивать современные вещи, организовать смотрины творчества. Вот и закипит ключом твоя жизнь.

— Возможно, я могу лишь грамотно преподавать, но моя робость не позволит стать организатором,—виновато отвечала Екатерина.

— Я тоже никогда не был губернатором, однако взялся, и дела двигаются. Я помогу указом и подберу помощника. Я пришёл к убеждению, что дела

человека движутся настолько успешно, насколько он талантлив.

— Разве наши личности сравнимы?! Ты государственный человек, я твоя жена, только и всего. — Повторяю: ты хорошо образованная дама. Передай свои знания другим, как я передавал их в пансионе. Пусть это станет твоим долгом перед государем и народом, среди которого мы встали на путь первопроходцев. Знаменитый Фирдоуси восклицал: «В цепи человек стал последним звеном, и лучшее всё воплощается в нём». Давай будем следовать этой мудрой фразе.

— Заманчивая перспектива. Твои слова убедительны. Надо подумать, коли ты обещаешь всестороннее содействие.

— Плох был бы я муж и губернатор, если бы, пообещав, не выполнил.

— Вот как заговорились,—спохватилась Екатерина Федосеевна.— Соловья баснями не кормят, идём ужинать. Стол накрыт, а ты проголодался, мой губернатор!

— Я не сдвину с места, пока не получу ответ.

— Хорошо, я согласна. Когда же открытие?

— Первого августа—первый звонок первачам. Ожидаю увидеть детей разных возрастов и сословий. Готовься. Обещанный московский преподаватель словесности что-то задерживается. Возможно, временно заменишь его ты.

— Друг мой, ты меня пугаешь, осталось всего два дня!—Екатерина Федосеевна растерянно остановилась на пороге столовой.— Как можно собраться в такой срок?! К тому же на руках у меня сын и дочь.

— На два-три часа в день тебя заменит гувернантка. Вспомни, как я провёл первый урок в пансионе,—вот тебе лекало. Есть ли письма от сыновей, пока я ездил?

— Есть, друг мой, от обоих. У Пети в октябре выпуск из училища. Будущий офицер! Коленка прислал карикатуру по басне Крылова «Волк на псарне». Он подаёт великие надежды художника-карикатуриста.

— И ты молчишь, душа моя? Немедленно подай, прежде чем я сяду за стол.

— Да вот же письма, при мне. Собиралась сразу же вручить, но ты, друг мой, так отвлёк меня от счастья общения с детьми, что я теперь горю от стыда за утайку,—Екатерина извлекла аккуратно сложенные листы писем и подала мужу.

Александр Петрович прежде взглянул на рисунок, выполненный цветными карандашами, затем на вырезку чёрно-белого изображения из журнала «Сыны Отечества».

— Ба! Да это славно! Каков колорит рисунка, ступок коварного образа Наполеона, просящего мирных переговоров у Кутузова. Басня напечатана в этом же журнале сразу после поражения французов при Тарутине. Басней зачитывались наизусть,

смесь над перепуганным волком-Наполеоном и мудростью ловчего. Похвально! Отпишу сыну!

Александр Петрович уселся за стол с закусками, только что поданными горячими блюдами в закрытых фарфоровых сосудах, самоваром, прочитал письма и лишь тогда, сияя довольством от успеха сыновей, стал трапезничать вместе с женой. — О! — воскликнул Александр Петрович. — Солёная черемша! Грех под такую закуску не пропустить рюмку смирновской, сорокоградусной! Наливай и ты себе вина.

— Здесь же твой любимый пирог из ленка и хариуса. Прикажи кто Новикова сегодня поутру принёс ведро свежей по бросовой цене. Говорит, мужики ночью тоню брали какой-то ряжовкой.

Александр Петрович чокнулся рюмкой с бокалом Катерины, с наслаждением выпил сто граммов водки, заел запашистой черемшой, сказал:

— Забыла, как в июне я хлюпал вместе с егерем Хохловым на острове Енисея? Сеть такая есть трёхстенная — наплавная, иными словами. Зашли мы с ним на плёс: хариус, ленок, да и таймень на ночь по отмелям табуняются. Хохлов учит меня, как тоню брать. На большой палец нанизал сеть с поплавками из бересты, зашёл по колено в воду, швырнул крестовину на течение, она пошла снимать с пальца сеть. Расплылась на пятнадцать метров. Хлюпаем мы за сетью, на мысок выводим. Слышно, как то и дело в сеть рыба бухает, заваливается в многочисленные мешки. А то и свечкой даёт по лунной дорожке. Едва вытащили ряжовку. Два ведра кленовых взяли. Мелкую — назад.

Александр Петрович умильно улыбался от воспоминаний, разрезая ножом рыбный пирог, жуя его с наслаждением.

— В эту поездку удалось мне по Чулыму вёрст десять отмахать с удочкой, брал в уловах хариуса на мушку. Что за чудо такая рыбалка! Я даже зарисовал ловлю в свой блокнот. После покажу. Прибрежье реки и поймы описал для будущих сочинений. Просто благодать!

Равнина Сагайская³, рассечённая рекой Абаканом и впадающая в Енисей, лежала безлесная, с довольно скудными низкорослыми типчаковыми травами, годными для выпаса скота, особенно овец; на склонах невысоких холмов серебрились заросли ковыля; вставали мятлик, полынь, терескен,

-
3. Сагайская степь в начале XIX столетия простиралась в длину на 250 и в ширину до 60 вёрст. Ныне она разделена на несколько однородных по растительному и животному миру: на Абаканскую, Сорокаозёрную, Уйбатскую, Койбальскую и Сагайскую степи.
 4. Татарами назывались в те времена хакасы и другие народности Енисейской губернии.

осоковые суходолы; в низинах, где плешинами белели солонцовые почвы, преобладали чиевые, пикульниковые травы; тянулись караваны низкорослой караганы; в логах встречались островки шиповника. По берегам Абакана и многочисленных малых рек и ручьёв, сбегаящих с гор Саянских, ландшафт освежают заросли ивы, черёмухи, кизильника; высоко над ними громоздятся тополя вперемешку с берёзой и осиною.

Объезжая Минусинский округ, знакомясь с людьми, населяющими этот более тёплый край, Степанов интересовался степными почвами — причиной травяной скудности. Его пылкий взгляд определил, что бедные чернозёмы лежат на плотной супеси с галькой и глиной. Жизнь растений здесь замирает в знойные июнь и июль; хотя дожди приходят со стороны Саян порой обильные, но влага здесь долго не держится — выдувают частые ветры, росы иссушает знойное солнце. И всё же трав хватает для подножного корма как летом, так и в зимние месяцы тебенёвки. Всюду на пути движения губернатора в крытой карете и двух таких же экипажей чиновников и охраны попадались многочисленные табуны лошадей, отары курдючных овец. Тут же ходил крупный рогатый скот под присмотром чабанов. Татары⁴ на природу не жалуются, а вот на скупщиков пушнины и кож скота, шерсти и мяса, рыбы и сыра, лошадей и овец — громогласные обиды.

Губернатор, изучая этот татарский край, остановился походным лагерем со своими спутниками, среди которых были всегда казаки, на краю Усть-Абаканского поселения, основанного всего несколько лет назад. Около десятка татар в длинных однотонных халатах, с малахаями на голове, появились ранним утром у палаток губернатора, что-то нетерпеливо гомоня на своём языке. Степанов, в походном сюртуке, высоких сапогах, с непременным орденом Святого Иоанна Иерусалимского в петлице, являясь едва ли не полиглотом, уже усвоил некоторые обороты речи кочевого народа и сейчас понял, что они недовольны каким-то скупщиком. Александр Петрович стоял возле палатки, с любопытством разглядывая мужиков, с широкой улыбкой, призывно маня руками, приглашая подойти ближе.

— Подходите смелее, рад встрече с вами, готов слушать, говорите!

Вперёд группы, мелко семена ногами, выступил толмач, одетый в более опрятный халат, поклонился Степанову, приложил руку к груди, сказал: — Свет-губернатор, приходил чужой, брал много товар. Ниши глупый, тёмный — отдавал товар. Просил другой товар для юрт, подковы, гвоздь, ткань, порох, пули. Доверял. Чужой возил наш товар, свой нам возил. Мало возил. Обидел. Наш тёмный, счёт мало-мало знает, грамоты не знает. Научить надо грамоты. Наш просит помощи.

Наш — много скота, баран, мясо, соболь, куница. Наш много платит.

Степанов внимательно выслушал толмача, спросил:

— Как ваше имя?

— Адайкан, свет-губернатор.

— Как звали чужого, кто такой?

— Наш не спрашивал, бил по рукам, доверял. Казак молодой, борода, папаха.

Губернатор усомнился: молодые казаки бороду бреют, носят только усы. Прокурорским чутьём понял: тут побывали лихие люди, переодевшись в казаков. Такого — ищи ветра в поле. Подобные поборы случались и в других землях губернии, и они настораживали.

Сопровождающий губернатора молодцеватый хорунжий подал голос:

— Врут, ваше превосходительство, молодые мужики бороды не носят, — он провёл рукой по своему подбородку, пригладил усы. — Подставной орудовал под казака.

— Будем разбираться, возбудим сыск, — ответил хорунжему Степанов и, обращаясь к толмачу, сказал: — Доверять чужим нельзя, надо спрашивать имя чужого. Помочь вам окажем, скупщика отыщем. Желая встретиться с вашим родоначальником, слышал, что у вашего народа много лошадей, овец, коров. Торговать надо.

— Ладно, свет-губернатор, ходи его стойбище Улуг-Коль, день пути. Наша даёт, свет-губернатор, кушать хан, пить арака. Утро, мало-мало есть надо. Баран даём.

Толмач показал на пасущийся поблизости под присмотром пешего чабана десяток овец, затем махнул рукой стоящим кыргызам с перемётными сумами, трое выступили вперёд, раскрыли сумы, вынули завернутые в сатин кровяную колбасу хан, в двух керамических сосудах, прикрытых крышкой, харбан из баранины, в третьем сосуде похты — сметанную кашу, когержик с аракой. Всё это быстро, к удивлению Степанова, разместили на ковре, раскинутом на траве, поклонились и отошли в сторону.

— За угощение спасибо, Адайкан. Прошу всех откусать вместе с нами, но овец взять не могу. Нет, Адайкан, не могу, — ответил он на протест толмача. — Господин хорунжий, подайте на стол хлеб, остальную провизию, посуду, водку. Проси, Адайкан, чабанов к столу, откушаем по-братски.

Толмач передал своим людям приглашение губернатора к столу, те с робостью уселись вокруг ковра с застывшей на губах улыбкой смущения, молчаливо приняли кружки с водкой, которых, правда, не хватило на всех, ограничив спутников губернатора, но всё обошлось путём выпивания попеременно. Трапеза на свежем воздухе вылилась в душевное знакомство. Собравшиеся расслабились, пили водку и араку, обильно закусывали

ханом, бари с удовольствием хорошо проваренную баранину с лапшой, попробовали похты. Захмелели, неловкость быстро исчезла. Охотник Кайматы снял висевшую за спиной трубу-амыргу и, трубя в неё, подражая рёву марала, показал, как он скрадывает зверя во время гона. Русские заметили, что от рёва вскочили пришедшие с охотником две собаки, насторожились. У охотника получился своеобразный танец; закончив его, Кайматы вновь преподнёс отвергнутых Степановым тех же чёрно-палых соболей, прося принять дар в честь знакомства и дружбы. Александр Петрович достал портмоне, отсчитал несколько рублей, вручил охотнику и лишь тогда принял прекрасно выделанных соболей.

После завтрака толмач уселся с губернатором в карету, стал проводником в улус Улуг-Коль на угодыя покровителя Сагайской степи. Кыргызы стояли кучкой, провожая гостей поклонами.

Вернувшись в Красноярск, Степанов пригласил к себе председателя суда Алексея Мартоса и губернского прокурора, поскольку им уже приходилось разбирать жалобу жителей Тюлькиной землицы, лежащей севернее центра, на подобные действия молодчиков.

— Господа, поборы скупщиками с местного населения участились. Мошенники остаются безнаказанными. Надо усилить сыск. Но этого мало. Предлагаю вам ознакомиться с моим черновиком «Наставление инородцам» на основе разработанного Михаилом Михайловичем Сперанским и утверждённого государем законом о малых народностях. Посмотрите, дополните, если есть на этот счёт соображения. В новой редакции примем его на Губернском совете, а затем будем вести разъяснительную работу среди инородцев, и, конечно, необходимо продумать вопрос обучения татар грамоте.

Написанное с добавлениями и отредактированное Степановым «Наставление» выглядело как наказ сохранять самобытность, свои язык и обычаи местным племенам не только юга, но и севера губернии. В частности, автор пишет: «Доселе вы принуждены были по делам своим хлопотать по судам, не зная ни законов, ни русского языка, с унижением и трепетом... ныне ваши дела должны разбираться в улусах родоначальниками и князцами на родном языке по правам предков, как отцы...»

Губернатор наставляет на то, чтобы люди чаще обращались со своими нуждами к земскому начальнику, доверяли ему, он же обязан доносить о назревших проблемах в местные думы, ходатайствовать о пользе родовичей. «Не воспрещается также писать в Красноярск, прямо на имя губернатора или в Губернский совет».

Просьбу об учёбе абаканских татар губернии власти выполнили, учредив приходское училище.

Оно зарыболово не сразу, а лишь спустя несколько лет. Паромоводитель Степного управления на первых порах стал обучать молодых татар по-русски читать и писать, нумерации и выкладке на счётах.

Возле свежесрубленного дома с шестью застеклёнными окнами от Знаменского стеклозавода, смотрящими на юг, собрался народ Красноярска. Это губернские и городские чиновники в форменной одежде, казаки в шароварах с лампасами, расшитых рубахах, подпоясанные ремнями, в фуражках с кокардами, из-под которых вились пряди каштановых, вороньих волос, купцы в атласных и шёлковых одеждах, мещане и мастеровые люди в косоворотках, тоже расшитых на русский манер. Взрослые стоят полукругом напротив высокого крыльца дома, а перед ними пестрела букетами полевых цветов молчаливая группа в два десятка детей разных возрастов с остриженными под гребёнку волосами. Одеты в длинные штанишки и разноцветные рубашки, дети выглядели празднично. Взоры собравшихся людей обращены на крыльцо с перилами и цветной лентой, на котором стояли губернатор Степанов в парадном камзоле с орденами, городской голова Иван Тихонович Гаврилов. Слева от них в укороченном, строгого покроя, однотонном платье находилась Екатерина Федосеевна, справа — средних лет протоирей в мантии и с курчавой бородой-лопатой, с церковной книгой в руках, — в качестве преподавателей. Удивляло то, что люди стояли едва ли не по стойке «смирно», молчаливо ожидая действие его превосходительства. Тем не менее с крыльца неожиданно, привлекая внимание собравшихся, раздался звон колокольчика, от которого некоторые вздрогнули. Степанов приподнял руку в знак приветствия, поклонился и сказал:

— Граждане красноярские жители, я вас приветствую на открытии первого приходского училища, в котором будут обучаться дети всех сословий за счёт губернской казны. Государь наш, Его Величество Александр Павлович, видит могущество и процветание отчизны в широком просвещении народа. Нам надо учить детей грамоте. Это необходимая мера для развития страны. Впереди грядёт век машин на промыслах различных типов, в сельском хозяйстве тоже. Грамотный человек в состоянии быстро изучить технические новинки и умело их применять в своём деле. Верный царской идее просвещения, я, как представитель государя, буду стремиться выполнять его волю. Сегодня мы собрали в училище всего двадцать детей. Мало! Это происходит от недопонимания родителями значения образования. Придёт время, и ряды школьников увеличатся. Сейчас мы разрежем ленточку открытия училища. Протоирей, он же учитель, освятит наше здание, и под гром

аплодисментов и оркестра дети войдут в школу и соприкоснутся со святыми узми знаний. Прошу Ивана Тихоновича разрезать ленточку, а протоирея — освятить школу!

Голова города подхватил огромные деревянные ножницы, поданные послушником, с улыбкой смущения сделал шаг к ленточке, щёлкнул ножницами в заранее надрезанном месте. Ленточка распалась, её подхватил губернатор, высоко подняв над головами. Раздался гул сводного казачьего оркестра, ему вторили аплодисменты собравшихся жителей. Протоирей подхватил кадило и совершил обряд освящения крыльца, входа, углубился в здание, за ним несмело тронулись дети, подбадриваемые губернатором, учительницей и родителями, идущими следом. Сделалось шумно и торжественно от возгласов, рукоплесканий и оркестра.

Дети с учительницей прошли в светлый, выбеленный известью класс с партами, столом и чёрной доской на стене, шумно расселись, не зная, куда деть букеты цветов. Им подсказали, что их надо уложить на парты как символ красоты и удачи. Ребята послушно выполнили подсказку. Класс благоухал запахами цветов, искрился солнечными лучами. Загорелые лица детей выражали напряжённое любопытство. Стриженные под гребёнок волосы обнажали забавно растопыренные ушки. Появились улыбки от производимой торжественности и внимания к ним взрослых, от любопытства ко всему тому, что происходит и будет делаться в будущем. В комнату степенно вошли родители, заняли пространство возле доски. В окна щедро светило солнце, упираясь своими лучами в предметы, в людей, как бы радуясь за взрослых и детей, решивших познать грамоту. Торопливо из коридора протиснулось несколько человек в русских народных костюмах. Губернатор, стоящий в центре, взмахнул рукой, и ряженные грянули гимн «Боже, Царя храни!». Песню подхватили родители, протоирей пел со всеми басом, непрестанно освящая кадилом класс.

Как только смолкли звуки гимна, губернатор сказал:

— Дети, в этом классе вы будете заниматься с восьми часов утра до полудня каждый день, кроме воскресенья и праздников. Изучите азбуку, научитесь читать и писать под руководством учительницы Екатерины Федосеевны. Протоирей научит вас складывать цифры, отнимать, умножать и делить, то есть первым правилам арифметики. Затем вместе с ним приступите к изучению Закона Божьего. Я вам желаю усердия и прилежания в учёбе. Сейчас взрослые уйдут, а Екатерина Федосеевна познакомится с вами и расскажет о нашей необъятной стране.

Несколько минут понадобилось, чтобы взрослые и певцы, отдавая напутствия ученикам, освободили класс вместе с губернатором. Он остался

весьма доволен событием, как и Гаврилов. Оба отправились к своим экипажам, что стояли на площадке перед школой.

— Дети, меня зовут Екатерина Федосеевна. Ваши имена и фамилии мы занесли в классный журнал, и давайте знакомиться. Я буду называть каждого по фамилии и по имени, и тот должен встать и сказать: «Я». Давайте попробуем,— учительница раскрыла журнал и произнесла:— Аршинов Ваня.

Екатерина Федосеевна сделала паузу, ожидая, когда мальчик встанет. Никто не вставал. Дети напряжённо молчали.

— Разве такого мальчика среди вас нет?

— Ванька, чего рот разинул? Не пужайся, вставай!— раздался голос мальчика лет десяти, толкавшего в бок своего напарника по парте.

Ребята засмеялись, обращая взгляды в сторону говорившего.

Екатерина Федосеевна прошла по проходу к парте, где сидел Ваня в ситцевой в горошек рубашке, опустила руку на его плечо, спросила:— Тебя зовут Ваня?

— Да,— робко ответил Ваня, густо покраснев.

— Есть ли ещё у нас в классе мальчик с именем Ваня?— спросила учительница.

— Меня зовут Ваня,— откликнулся рослый мальчик на задней парте.— Я не Аршинов, а Воробьёв.

— Хорошо, Ваня Воробьёв, ты у нас в списке стоишь третьим, я тебя вызову. Ваня Аршинов, скорее всего, не знает своей фамилии, он у нас самый младший. Ему исполнилось только восемь лет, жил он в деревне у дедушки, а нынче переехал к родителям. Папа у него носит фамилию Аршинов, а дедушка, скорее всего, другую, потому Ваня пока не привык к своей родной фамилии. Да это не беда. Давай, Ваня, сразу договоримся: у нас в классе два Вани, как учительница назовёт тебя по фамилии, ты вставай и говори: «Я». Хорошо?

Ваня Аршинов кивнул головой в знак согласия. — Давай попробуем снова. Итак, прошу встать Ваню Аршинова.

Ваня Аршинов не вставал, а покраснел до самых ушей.

— Перехожу к следующему ученику. Басаргин Емельян кто будет?

Справа от учительницы резво вскочил девятилетний мальчик. Лежавший на парте букет цветов упал на пол. Дети снова рассмеялись, но Емельян проворно наклонился, поднял его и сказал:— Я!

— Ты живёшь на Благовещенской улице, и папа у тебя мастер сапожного дела? Ты чем-то ему помогаешь?

— А то как же! Сучу тятке драгву, складываю на полке колодки, а если надо—подаю тяте. Раскладываю на столе инструмент.

— Молодец! Будь таким же прилежным в учёбе. Продолжаем знакомиться дальше. Воробьёв Гриша!

— Я,— бодро вскочил сосед Вани Аршинова.

— Похвально. Ты знаешь, сколько тебе лет?

— Батюшка говорил, что десять. Я с ним ноне на покосе робил. Копны к стогу возил верхом. Унас коров полдюжины, сена на зиму надо десять зародов.

— Ты знаешь счёт?

— Знаю, могу до ста сосчитать. Батюшка научил. Я люблю рисовать. Цветными карандашами речку Качу нарисовал. На синей воде утки плавают, а по берегам деревья зелёные, цветы красные, жёлтые, огоньки оранжевые— жарки, а на покосе зароды сена.

— Прекрасно, садись, Гриша. Продолжим знакомство.

Через полчаса все дети были названы. Неловкость поведения и скованность исчезли. Дети с интересом слушали учительницу. Екатерина Федосеевна удовлетворённо закрыла журнал, сказала:— Теперь я вам расскажу о планете Земля, на которой мы с вами живём. Она имеет форму шара. Планета крутится вокруг своей оси, подставляя бока небесному светилу Солнцу. Потому у нас есть день и ночь. Земля летит по орбите вокруг Солнца, приближаясь и удаляясь от него. Потому на Земле есть лето и зима. Планета Земля очень большая. На ней есть моря и океаны, высокие горы и широкие равнины, озёра и реки, такие могучие, как наш Енисей. На земле живёт много народов в своих странах. Самая большая страна—это наша Родина, Российская империя. Город Красноярск и Енисейская губерния находятся в самом центре России. Вы получите знания, чтобы успешно развивать нашу страну, жить богато и счастливо. На этом, дети, мы закончим первый урок. Я бы хотела, чтобы вы надолго запомнили его. А теперь я вас отпускаю по домам и жду в классе завтра к восьми часам утра.

— Откуда взялась наша Земля?— неожиданно задал вопрос Гриша.— Мой батюшка сказывал, что Землю и людей создал Бог.

— Твоя любознательность похвальна,— ответила учительница.— Об этом вам расскажет протоирей на уроках Закона Божия. До свидания, дети.

Ученики шумно встали из-за парт и хлынули неудержимым потоком в коридор, на улицу. Екатерина Федосеевна, с торжественным видом и удовлетворённой улыбкой, шла следом за детьми.

Красноярск разрастался. Непросто созидать в этой глуши без широкой образованности людей и часто целеустремлённых к обогащению, ибо ехали в суровые места с целью нажить богатство, используя не только природные ресурсы, но и должности. Можно ли понять намерения таких людей и согласиться с их стремлениями, отнюдь не патриотическими? От лукавого сей вопрос.

Двойкий на него ответ обывателя. «Затем и ехал в глушь,— скажет иной,— чтобы обогатиться, а не перебиваться с хлеба на воду. Богатств тут немерено—бери, коли сумеешь взять!» Сам же губернатор не уставал повторять: трудись честно, с полной отдачей сил, и старания окупятся почётом и уважением, повышением по службе. Усердное старание—матерь благополучия. Не единожды он говаривал своему сподвижнику в литературных изысках Владимиру Соколовскому о своём и его первопроходстве, сравнивая с усилиями человека, взявшегося прорубить просеку в дремучем лесу, которая приведёт его к богатому прииску. Убеждённый в том, он рубил просеку до изнеможения всё лето, к осени вышел к пустоши, на краю которой зияла бездонная пропасть. Человек сел на камень, ухватил отросшую бороду в кулак и заплакал...

— И что же, человек упал духом?— нетерпеливо спросил Соколовский.— Похоронил свою мечту добраться до богатого золотиносного песка?

— Поначалу похоронил: впереди зима. Однако сошли снега, и он, снарядившись, вернулся к пропасти, спустился на её дно.

— И что же, добыл золото?

— Не добыл, но увидел впереди лежащие бескрайние доли, уверовал в свои силы человеческие, в свой дух первопроходца, решил обойти эти неведомые земли и оставить потомкам свои изыски и советы.

— Поучительно, поучительно,— в задумчивости молвил Соколовский.— Хватит ли у нас духу стать истинными первопроходцами в строительстве счастливой жизни людей в столь обширном и богатом крае?

Чередой катились дни и месяцы, и чем активнее вёл себя губернатор, тем быстрее, как по наклонной, бурля и пенясь, бежит ручей, превращаясь в реку, тем заметнее разрастался багаж сделанного. На западной окраине обозначился природный парк с дорожками и качелями, беседками и скамейками, где можно было в тени присесть, съесть мороженое из лавки купца Новикова. Можно почитать журнал или книгу, взятую по абонементу из библиотеки, что первоначально приютилась в небольшом доме. А новое здание закладывалось усилиями губернатора и казённой палаты, которой руководил единомышленник Иван Семёнович Пестов. Любитель литературы Пестов поддерживал начинания Степанова в организации клуба «Беседы о Енисейском крае» и сам собирал материалы для будущей книги «Записки о Енисейской губернии Восточной Сибири». Также с глубоким пониманием в необходимости строились и открывались рабочие дома, хлебные магазины. Через несколько лет в Красноярске действовало шесть домов с просторными приусадебными дворами.

В них трудились люди разных сословий, а не только ссыльные. Здесь можно было научиться ремеслу у бывалых мастеров, прилично зарабатывать на жизнь. Плотники и столяры, каменщики и маляры, кузнецы и слесари были широко востребованы на стройках города. В мастерских изготавливали прекрасную мебель, лёгкие экипажи, которые обходились покупателям гораздо дешевле, чем привезённые из-за Урала. Медники и серебряники, кожевники и шорники выпускали различную деревянную и металлическую посуду. Портные и сапожники шили различную одежду и обувь. Спросом пользовались меховые унты, сапоги на спиртовой подошве, кожаные и меховые шапки-ушанки. В лавках имелся широкий набор стеклянной посуды из Знаменского стеклозавода, которая пользовалась спросом у населения из-за невысокой цены и надёжности.

Сам любитель ботаники, географии, член Московского общества испытателей природы и активный член сельскохозяйственного общества, Степанов уделял большое внимание разведению картофеля, льна, овощей. Анализировал результаты и на их основе написал статью «О дикорастущих в Сибири конопле, грече и льне», опубликовал в столичном журнале. Всячески поощрял пасечников, которые с успехом брали мёд в богатейшей флоре, изобилующей различными медоносами, такими как иван-чай (кипрей), сибирский дягиль, шалфей, короставник, малина. Любил посещать ярмарки, где продавался произведённый людьми продукт. Ярмарки выливались в народное гуляние с песнями и плясками, наигрышами балалаечников, представлениями скоморохов и чтецов, акробатов и силачей.

Особенно шумные и многолюдные ярмарки—красноярские. Как апрельский обильный снег, стаявший во всех колках, логах поймы реки Качи, наполнял мутной водой извилистое русло с невысокими берегами, так местный да пришлый из деревень и хуторов говорливый народ прудил базарную большую площадь. Она лежала на окраине пыльная, унавоженная скотскими лепёшками, овечьими бурыми конфетками, рассыпанным овсом из лошадиных торб, клочками сена у прясел. Шум людских голосов то походил на музыку расстроенных инструментов, то улетал в прилегающие улицы вместе с шаловливым, но тёплым ветерком, то возвращался вновь с выкриками того или иного торговца, расхваливающего свой товар. Он был тут разный. Стояли в ряд брочки, гружённые плугами, маслобойками, бочками, конской упряжью, бычьими выделанными и сыромятными шкурами, бухтами верёвок, кухонной утварью, ведрами из цинка и клёна, корзинами из ивы. На лавках—свежая и малого посолу добротная енисейская рыба: хариус, ленок, таймень, сиг, а то и стерлядь; краснела свежая говядина, свинина

с салом в ладонь; лоснились золотистым оттенком аппетитные окорока; кудахтали куры-несушки в деревянных клетках, гуси в сером оперении, горластые, как иные неугомонные бабы. Дальше стоял скот. Годовалые бычки, годные для ярма и пахоты, телята, овцы, хрюкали и визжали с мешками на мордах свиньи, на которых косили глаз стреноженные жеребцы и кобылы. Лежал в штабелях пилёный лес: плаха, брус, кругляк и жерди.

Особо выделялись казаки, ставя на площади своеобразные куреня. Торговали товарами молодые улыбочивые казачки, одетые в расписные блузы, длиннополые сатиновые юбки; на голове с туго заплетёнными косами, покоящимися чаще на груди, неизменный венок: летом—из живых цветов, в другие времена—из бумажных. И непременно плечи украшали козьи полушалки или атласные с узорами. Казаки же, усатые и важные, выхаживают перед своим куренём во всей красе воинского снаряжения: в шароварах с лампасами, в папахах или в фуражках, с перевязью, на которой висит шашка.

Всегда среди них находятся плясуны. Играя обнажёнными шашками под звуки свирели или гармошки, они показывают своё удалство во владении клинками, стремительность в пляске с высокими, захватывающими дух прыжками.

А то перед куренём появится хор из нескольких казаков и казачек, и они под музыку балалайки поют зазорные частушки или шуточные песни:

Девича с молодцем
Особо сидели,
Втай речи говорили:
Молодец, молодец!
Хороший, пригожий,
Кудрявый, маганый,
Холост, не женатый!
Сшей два башмачка
Из желта песочка.

Не могли ударить в грязь лицом перед казаками купцы. Эти ставили свои ряды, обособляя их холщовыми или сатиновыми вывесками с фамилиями хозяина, часто на заднем плане разбивали расписные шатры. Лавки с красным товаром—ткани, мануфактура—гораздо богаче казачьих. Здесь можно купить всё—от носков до верхней одежды, как летней, так и зимней; напиться чаю из самоваров с блинами или сдобной выпечкой, пирогами; принять «на грудь» вино или водку от любезного расторопного приказчика.

В декабрьскую стужу 1825 года Степановы получили от сыновей тревожную весть о здоровье матушки Пелагеи Степановны. Сама она сыну писала редко, но каждое письмо в семье отмечалось, как праздник, шумно и весело, словно

матушка вот-вот перешагнёт порог дома с подарками. Каждое послание и являлось самым дорогим подарком. В них она сообщала о своём прибыльном хозяйстве, о внуках Петре и Николае, в которых души не чаёт, о том, что отписала имение на них. Меж строк можно было увидеть, как гордится матушка своим сыном-губернатором, как бы вскользь сообщая, что о нём интересуются ловатские помещики да калужские дворяне, в числе которых председатель дворянства.

И вот слегла. Не побежишь, не поскачешь к маменьке за пять тысяч вёрст, чтобы преклонить колени. Главе семейства катит уж седьмой десяток лет в кипучей, как вулканическая лава, жизни. Дай Бог, поднимется на ноги. Ожиданием писем был последний месяц уходящего года, третьего по счёту сибирского, неоднозначно необычного, в целом удачного и прибыльного. Утвердившийся авторитет губернатора подтверждён заслуженным чином действительного статского советника, дающим право на потомственное дворянство, повышение жалования. Встретили и отпраздновали Новый год—и снова ожидание.

Как гром среди ясного неба: личную тревогу за жизнь матушки отбросило запоздавшее почти на месяц официальное сообщение о неожиданной кончине в Таганроге императора Александра I, а также эмоциональные публикации об этом же петербургских и московских газет! Степанов не скрывал своей любви и преданности государю, более того—обязан своим благополучием. Скончался он первого декабря, в Петербург известие докатилось лишь на восьмой день и получено во время молебна за здоровье императора. Скорбя и терзаясь в первые минуты и часы о преждевременной кончине государя, Александр Петрович задумался над тем, как же это несчастье отразится на его службе, на судьбе семьи. Ничего утешительного в голову не шло, но наверняка затрясёт общество, загромыхает личный дилижанс каждого, словно на булыжниках. Будет ли мирное и безболезненное восхождение на престол младшего брата, Николая Павловича?

Почва для сомнений имела. Несколько лет назад в Петербурге летали упорные слухи, как чёрные галки, будоража своим криком сознание, что государь тяготится своим правлением и готов отказаться от престола в пользу брата Константина, наместника Царства Польского, но тот якобы отказывался в пользу Николая. О своём решении и нерешительности цесаревича государь уведомил Николая Павловича, что наследником предстоит стать ему. Такая перспектива великого князя не радовала.

«Государь уехал,—записал в свой дневник Николай Павлович,—но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего

спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот совершенное изображение нашего ужасного положения».

Слухи витали недолго и заглохли от продолжающегося мирного царствования Александра. Но теперь они аукнулись: нехорошо отразились в душе Степанова, познавшего тягость управления частью Российского государства со своей хозяйственной и жилищной неустроенностью, вечной нехваткой казны, постоянной заботой о хлебе, о выживании в суровые зимы, о просвещении, о надзоре за невольниками, которых почти двадцать пять тысяч, и многим чем другим, требующим личного внимания и решения вопросов. Ему стало ясно, отчего же уходят престолонаследники, перекладывая шапку друг на друга.

«В чём всё же главная причина торопливости государя? — размышлял в тот год Степанов. — Здоровье пока не подводило. Я склонен к тому, что вялотекущие реформы в государстве не устраивают царя, они сильно отстают от передовых европейских стран. Он как бы укоряет себя за малодушие и нерешительность против тех обещаний и намерений, чем жил в первые годы царствования. Сопrotивление реформам вельможных кругов, зная, насколько они вероломны и неуступчивы, пугает императора? Пример — участь его отца. Не проще ли переложить тяжесть правления государством на плечи наследника, а самому уйти в тень? Не удаётся!»

Как бы там ни было, а Степанову показалось, что он теряет твёрдую почву под ногами. На его жизненном пути встаёт новый государь. Вспомнились слова маменьки, сетующей на то, что едва привыкнешь к заведённым порядкам нового монарха, обживёшься, как они меняются. Каков свет зажётся — радушно ли милостивый, угарный ли? Да лиха беда начало. Нам надо жить да дела вершить! Выстлать торную дорогу в хозяйственной трясине.

Почта следующего дня принесла известие о том, что присутствующий на молебне Николай Павлович присягнул Константину, хотя цесаревич находился в Варшаве, и начал приводить к присяге войска. В тот же день собрался Государственный совет, на котором было заслушано содержание манифеста, датированного августом 1823 года, на пакетах которого Александр Павлович написал: «Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия». В манифесте говорилось об отречении цесаревича и великого князя Константина Павловича и утверждался наследником престола великий князь Николай Павлович.

Оказавшись в двойственном положении, члены Совета обратились к Николаю. Тот не признал манифест Александра I и отказался провозглашать себя императором до окончательного выражения воли старшего брата, призвал Совет принести присягу Константину «для спокойствия государства». Следуя этому призыву, Государственный совет, Сенат и Синод принесли присягу на верность Константину I.

На следующий день был издан указ о повсеместной присяге новому императору. Дворяне Москвы незамедлительно присягнули Константину. В Петербурге присягу отложили до 25 декабря⁵. Наступили дни безвластия: Константин Павлович отказался прибыть в Санкт-Петербург и подтвердил своё отречение в частных письмах к Николаю Павловичу, а затем направил рескрипты председателю Государственного совета и министру юстиции с тем же содержанием. Создалось двусмысленное и крайне напряжённое положение междуцарствия в бурлящем страстями Петербурге.

Вечером 24 декабря 1825 года Сперанский написал манифест о восшествии на престол императора Николая I. Наследник подписал его утром. К документу прилагались письмо Константина к Александру I от 26 января 1822 года об отказе от наследования и манифест Александра I от 28 августа 1823 года.

Присяга Николаю I была назначена в Петербурге на 25 декабря.

Александр Петрович по обыкновению, а это у него шло от строгого выполнения распорядка дня, введённого императором Павлом Петровичем, первым появлялся в конторе, здоровался со сторожем-истопником, проходил в свой кабинет и садился разбирать почту. В эти напряжённые дни он следовал заведённым порядкам неукоснительно. Развернув заведённый порядку правительственных «Санкт-Петербургских ведомостей», он отпрянул: газета броско давала заголовок о том, что вооружённые полки отказались присягать императору Николаю Павловичу, хотя члены Сената после отказа от престола Константина присягнули и разошлись по своим местам службы. Степанов не сразу осознал масштаб неповиновения, больше всего в этот миг его потрясло сообщение об убийстве прославленного героя Отечественной войны, губернатора Петербурга графа Михаила Милорадовича, этого незабвенного патриота и защитника монарха! Выстрел из пистолета совершил дерзновенный Пётр Каховский.

Скупом сообщалось о том, что восстание разгромлено верными царю войсками, об арестах бунтовщиков-офицеров, а также солдат; цифры не назывались. Причина — свержение царя.

О размахе движения вольнодумцев, недовольных самодержавием и крепостничеством,

5. В данном отрезке текста даты даны в старом стиле.

говорилось довольно подробно. Цель восставших — либерализация российского общественно-политического строя: учреждение временного правительства, отмена крепостного права, равенство всех перед законом, демократические свободы (прессы, исповеди, труда), введение суда присяжных, введение обязательной военной службы для всех сословий, выборность чиновников, отмена подушной подати и смена формы правления на конституционную монархию или республику. Степанов, читая, не верил своим глазам. Он не ответил на какой-то вопрос вошедшего в кабинет секретаря Ивана Григорьевича Родюкова, остановившимся взглядом смотрел на человека и не мог сообщить, что ему надо. Тот же, увидев необычайную бледность губернатора с газетой в руках, не отрываящего взгляда от строк, постоял в растерянности с минуту и вышел. Стал искать свежий номер «Московского вестника», а найдя и взглянув, ужаснулся. В нём о восстании писали более подробно.

Между тем, перебрав все газеты и журналы, перечитав их, губернатор пришёл к выводу, что восставшие явились серьёзной силой в борьбе за конституционные права российского общества, за ликвидацию рабского состояния крестьянства, в чём был солидарен с такой постановкой вопроса. Выступление было плохо организовано и быстро захлебнулось. Избранный руководителем князь Трубецкой на площадь не явился. Произошло замешательство в действиях восставших, споры в назначении нового диктатора. Время было потеряно. Как же случилось, что застрелены Милорадович и командир лейб-гвардии Гренадерского полка Николай Стюрлер? Последнего Степанов не знал. Но Милорадович, его товарищ по оружию, храбрый человек и патриот Отечества, наконец, его покровитель? Подумал: как бы себя повёл, в каком оказался стане, если бы оставался в Петербурге, а не здесь, на губернаторстве? Куда бы завели мысли о конституционном строе, который дал бы свободу народу? Он — верный монархии сторонник единоначалия в государстве, потому и не стал членом «Союза спасения», а затем «Союза благоденствия», организованных в 1816–1821 годах.

Ему вспомнилась дружба с Гавриилом Степановичем Батеньковым, его интерес к рассказам о жизни австрийских крестьян, бывая в заграничном походе в Австрии. Тогда Александр Петрович не придавал значения этим вопросам приятеля, теперь подвёл под них базовый интерес. Крестьянство там было вольное, хозяйства крепкие, дома и дворы ухоженные. Как они трудились и жили? Юного офицера это меньше всего интересовало. Теперь, в зрелые годы, он бы изучил их труд, быт, как изучает теперь, бывая в поездках, енисейские земли, жизнь русских поселенцев и местных инородцев, заноса свои наблюдения и исследования в толстую тетрадь для будущих публикаций.

Эта информация используется уже сейчас. Вместе со своими ближайшими помощниками работает над проектом «Степные законы для кочевых инородцев Енисейской губернии». Тема знакомая: вместе с Батеньковым участвовал по поручению Сперанского в разработке закона об инородцах. Вот тогда-то Батеньков подробно расспрашивал его о жизни зарубежных крестьян. И говорил, что в Сибири нет крепостных и помещиков. Там есть вольные поселенцы да кочевые, свободные от крепости народы, хотя они в большой степени зависят от состоятельных баев и ханов — как и во всём мире.

Губернатор слышал нарастающий говор в приёмной у секретаря. К нему шли на доклад прокурор, полицейский, жандармский офицер, надзирающий за арестантами в остроге, городской голова, судья. Степанов слышал их голоса и не мог приказать себе начать приём из-за раскисшей, как земля под дождём, воли от прочитанного и предположения своей судьбы, останься он в столице. Дверь всё-таки распахнулась без его колокольчика, каким он подавал сигнал секретарю, и в кабинет, шумно ступая на пол в зимней тяжёлой обуви, вошёл встревоженный актив губернского правления. Председатель правления — коллежский секретарь Николай Петрович Фролов — торопливо задал вопрос:

— Ваше превосходительство, можно ли верить газетам? Мы встревожены!

Губернатор продолжал держать в руках московскую газету и, не отвечая и в то же время отвечая на вопрос, сказал:

— На Сенатской площади во время назначенной присяги императору Николаю Павловичу пролилась кровь моего боевого товарища по двум войнам графа Милорадовича. Убит разъярённым Каховским.

— О чём вы спрашиваете, милостивый государь? — с оттенком сарказма сказал председатель губернского суда Алексей Иванович Мартос. — О таких серьёзных вещах газеты обязаны высказываться официально, но скупое! Очень скупое.

— Рассаживайтесь, господа, — приходя в себя от информационного шока, пригласил чиновников губернатор, — обсудим текущий момент. Да, на Сенатской площади полки вместо присяги императору встали на сторону заговора против монарха. Возмущённый неповиновением, генерал Милорадович, в ранге губернатора Петербурга, бросился к заговорщикам, пытаясь призвать к примирению, но Каховский выстрелом из пистолета свалил с лошади героя Отечественной войны. Тот от тяжёлого ранения умер. Однако восставшие не предпринимали никаких действий. Огнём из ружей и пушек полки были рассеяны верными императору войсками. Газеты сообщают о жертвах: убито значительно больше тысячи человек: один

генерал, несколько десятков офицеров, несколько сот черни, много подростков, находившихся на площади. Начались аресты.

Тяжкая тишина повисла в кабинете. Через минуту чиновников прорвало: заговорили все сразу, и губернатору трудно было разобрать в этом гаме, кто о чём говорит. Слышались фразы возмущения в адрес восставших, соболезнования о гибели Милорадовича. Среди общего шума раздался громогласный голос жандарма Маслова. Он, как обычно, занимал место справа от судьи и прокурора, встал, выбросил руку вперёд, как бы приказывая собравшимся людям замолчать, сказал:

— Господа, мы должны принять резолюцию в поддержку императора и заверить, что губернское правление не позволит шатать трон монарха. Предлагаю составить комиссию, дабы она выразила нашу волю.

— Газетные и журнальные публикации нельзя брать за основу произошедшего волнения. Есть вероятность искажения действительности, — сказал губернатор. — Уместно подождать официальную оценку случившемуся, высочайшие рекомендации к действию и тогда изложить свою точку зрения в поддержку царского дома Романовых. Почта с таковой оценкой, я уверен, в пути. Теперь же приступим к освещению наших внутренних дел. Прошу полицейское управление доложить о событиях за истекшие сутки.

Официальная оценка восстания, незамедлительно получившая нарицательное имя — «декабристы», была получена следом. Вскоре пришло траурное письмо от сыновей о кончине матушки Пелагеи Степановны.

Потрясение за потрясением. Александр Петрович скупко рассказал о восстании декабристов жене, оставляя при себе крамольные соображения в свой адрес, нахлынувшие в то утро в кабинете. Ни к чему ей тревоги. С известием о кончине матушки невестка разрыдалась и долго горевала. Поминальные девять дней прошли, близятся сороковые, а скорбь с её лица так ни сошла. Заказали панихиду в Благовещенском соборе.

Этап государственных преступников прибыл в Красноярск в августе 1826 года. Дни стояли погожие и даже знойные, вызывали жажду, которую утолить нечем. Терпели. Закованные в кандалы арестанты вызывали сострадание у городских зевак. Как только колонна колодников под охраной солдат вошла на окраину, свернув на самую крайнюю улицу города, раздался загрохотный крик: — Ведут! Декабристов ведут!

Из домов и усадеб выскакивали босоногие мальчишки, за ними сначала несмело появлялись мужики, затем и бабы. Стоя у калиток, иные молча

провожали арестантов крестным знамением, иные шли за колонной, крестьяне и бормоча:

— Заступники крестьянские! За народ страдают, за волю!

— Дворянских кровей, а вот — бунтари!

— Не просты люди, петровские да катерининские вельможи, не сдюжили против кабалы народной!

В колонне шли не только декабристы, но и преступники различных мастей: воры, казнокрады, убийцы. Изнурённые, почерневшие от солнца лица, похудевшие измождённые фигуры, в арестантской одежде люди выглядели однородной массой с потерей прежнего здоровья, бодрости, с падением духа. На бородатых лицах печать страдания, у многих — раскаяния. Глухой топот, тяжёлое дыхание, звон цепей вылились в печальную, заунывную песню: «Горячее солнце всё ниже, в степи серебрится ковыль. Колодки да тяжкие цепи, несущих их в холодную Сибирь».

У кого-то вырвался едва ли не предсмертный возглас:

— Воды, дайте воды!

В колонне произошло замешательство, движение застопорилось, послышались окрики:

— Марш, марш! Стоять не велено!

Какая-то баба выскочила с кувшином из калитки, бросилась к колонне. На пути встал жандармский офицер, саданул прикладом ружья в глиняный сосуд, разбил, вода окатила ноги женщины, раздался крик:

— Побойтесь Бога!

— Не велено! Не берите грех на душу! Марш, марш!

— Спасибо, люди добрые! — взвился над колонной сиплый с надрывом голос. — Царские сагры беспощадны!

Арестанты, звеня кандалами, бороздя пыльную улицу, мерно из последних сил двигались в сторону острога, где утолят жажду, примут скудную пищу — и снова кандалный звон, проклетия мучителям.

Александр Петрович был уведомлён об этапе с предписанием: пополнить арестантскую кухню провизией, предоставить короткий отдых арестантам в действующем остроге, расположенном за чертой города. Губернатора депеша взволновала присутствием в этапе декабристов.

Накануне городской голова Степан Яковлевич Кузнецов, избранный в начале года красноярцами, доносил о том, что запасы хлеба в городе истощены, а торговые ряды скудеют. Крестьяне и казаки придерживают муку, боясь не дотянуть до нового урожая, а купцы ломают цену. Об этом губернатор знал. Хлебная проблема решалась в губернии медленно. Великие расстояния между хлебобородными российскими землями и Приенисейским краем тормозили завоз не только зерна и муки, но и круп. Создавалась ежегодная нехватка.

Степанов видел решение проблемы не только при помощи увеличения купеческого завода, но прежде всего через расширение пахотных земель в Ачинском, Минусинском, Канском и Красноярском округах. Выходило не так-то просто поднять целинные земли. Попросту не хватало крестьянских рук и крепких плугов. Пополнение людьми края идёт медленно. Однако на плодородных землях Ачинского и Красноярского округов пашня расширялась. Здесь стали брать ржи, а это озимые, сам-двенадцать, пшеницы — сам-восемь, ячменя и овса — сам-семь. Губернатор, выезжая в округа, изучал не только местоположение земель, рек и озёр, исследовал гумус, но и вёл статистику урожайности, заносил все наблюдения в свой толстый походный журнал.

Александр Петрович в беседе с Кузнецовым прикидывал, когда крестьяне и казаки выйдут на жатву озимых, возьмут первый урожай и пополнят рынок мукой, печёным хлебом.

— Июньская жара хорошо подтянула озимые, — говорил уверенно губернатор. — В районе стеклозавода нивы золотятся, а также ниже Красноярска в Берёзовке⁶, за сопками Бадалыка. Крестьяне уж навострили косы, серпы и вот-вот выйдут на жатву. — Дай-то Бог погоду, поставим снопы — глядишь, вздохнём легче, — соглашался градоначальник. — Государственные крестьяне и берёзовские казаки, что в моём ведомстве ожидают начало жатвы с молитвами, не упустят золотое времечко. Заждались. — Наши наблюдения и надежды, господин Кузнецов, совпадают, — повеселевшим голосом закончил беседу Степанов. — Прошу держать хлебные дела на контроле.

Губернатор изволил взглянуть на этап арестантов, посчитать количество душ, ибо в циркуляре точное число не называлось из-за дорожной убыли людей, только на месте можно определить объём пополнения провизии, — хотя мог поручить это хлопотное дело Кузнецову, председателю Енисейской казённой палаты Ивану Семёновичу Пестову, жандармскому офицеру острога. Александр Петрович ловил себя на желании взглянуть на декабристов, среди которых были хорошо знакомые дворяне. Взглянуть, возможно, в чём-то помочь. Добром ли это отзовется или наветом, но он не думал о будущих последствиях и стремился порывом добродетели успокоить свою душу. А она у него страдала от двойной скорби. Кончина матушки — невосполнимая потеря, он не проводил маменьку в последний путь. Это обстоятельство висело на нём тяжким упреком. Его отрада — любимая Катенька — не может смириться с потерей Толика, рождённого в Красноярске двумя годами раньше. Слабенького и болезненного, Бог забрал его вслед за кончиной маменьки. Смерть сына поразила и его, словно отравленная пуля, сидящая где-то в душе, отдаёт щемящей болью. Не вырвать её, а глядя

на печальную Катеньку, и того горше сознавать эту утрату. Потеря сына, по его мнению, медленно сушит душу и тело жены. Ничем не может он её ободрить, обрадовать: ни своим здоровьем, ни делами в городе. Видит искусственную улыбку и молчаливое ободрение: мол, не печалься, друг мой, насчёт меня. Всё обойдётся хорошо, время вылечит! Не вылечивает. Всё глубже и глубже уходит печаль, давит приступами грудная жаба, от которой стали отпиваться настоями валерианового корня, пустырником. Рекомендованные прогулки на свежем воздухе, как и настои, помогали слабо: тяжёлая борьба за жизнь затягивалась. Он не мог ни с помощью губернского врача, ни с помощью фармацевтов разорвать эту петлю.

Поставить в вину кому-то эти несчастья он не мог. Разве что себе — за малое внимание к родным, а больше к делам губернии, за недостаточную медицинскую помощь захворавшей жене. Вот тогда-то он вплотную занялся вопросами здоровья подданных ему жителей, расширил больницу. По его просьбе с медицинского факультета Московского университета приехали молодые врачи и организовали широкую практику. Одновременно обновил аптеку, которая стала филиалом нижегородского фармацевта Руммеля. Аптекарь побывал в Красноярске, привёз оборудование для лаборатории, оставил прибывших с ним лаборантов, они стали готовить микстуры и порошки, широко использовать лекарственные травы. Екатерина Федосеевна к осени пошла на поправку, но полного выздоровления пока не наблюдалось.

Губернатор и председатель губернского суда Алексей Иванович Мартос ехали на пролётке к арестантам по тряской дороге. Продолжали стоять жаркие солнечные дни, на сидоках летняя лёгкая одежда, поток воздуха от бега пролётки почти не освежал. Словоохотливый Степанов молчал все три километра пути до острога и удивил Мартоса, который был не прочь поговорить не о губернских делах, а о литературных, поскольку сам писал статьи в журналы о сибирских бескрайних просторах, о народах, их населяющих. Алексей Иванович с присущей ему деликатностью тоже молчал, не желая нарушать того собранного состояния своего начальника перед непростым мероприятием. И лишь подъезжая к острогу, увидев входящих на территорию закованных в кандалы арестантов,

6. В 1639 году монахи Спасского монастыря из Енисейска Иван и Герасим купили у атамана Милослава Кольцова земли в устье речки Берёзовки для строительства Введенского мужского монастыря для больных и увечных казаков Красноярского острога. В 1821 году в селе построен каменный храм, в 1840 году создана переправа через Енисей.

взбивая пыль, удручая и без того безликую массу невольников, что до отказа заполнила двор, Степанов возбуждённо бросил:

— Такого зрелища я раньше не видывал! Острог полон!

Карета остановилась, кони замерли. Появившийся пристав дал отмашку рукой кучеру, решая въезд в острог, отдал честь начальству и двинулся вслед за пролёткой. Степанов и Мартос торопливо спешили, с волнением глядя на сидевших на земле под солнцем, под навесами обескровленных людей. Серо-чёрные однообразные людские глыбы, словно окаменевшие, сидели тесно. Не слышалось даже дыхания, и лишь застарелый запах пота и давно немых тел остро ударил в нос. Степанову представилась мёртвая панорама Саянских гольцов с каменными глыбами. Но он знал: там есть скрытая жизнь лишайников и мхов, летних насекомых и грызунов, низкорослых трав с редкими лоскутами вереска. Но здесь, в этих людских гольцах, есть ли жизнь, не умерла ли она, смогут ли эти изваяния ожить, если их напоить, накормить? Смогут ли они после столь труднейшего перехода в места, уготованные для каторги, быть полезными, работоспособными? Степанов, оцепенев, смотрел поверх голов, и взгляд его упал на последнего вошедшего колодника, тяжело опустившегося на землю, воскликнул:

— Ваша светлость, Фёдор Петрович Шаховский! Вы ли?

Арестант, одетый как и все, в чёрно-серый кафтан, брюки, на ногах коты, на бритой, но с уже начинающими отрастать волосами голове картуз, медленно повернулся на голос, блеснув сухой синью глаз, с трудом разжимая спёкшиеся от жажды губы. Тридцатилетний, выше среднего роста, белокрылый, он был худощав всегда. Теперь же в ходе этапа вовсе усох телом и имел довольно жалкий вид. Но эта внешняя сторона не давала полного представления о его духе.

— Степанов, вы? — не сказал, а просипел арестант. — Прикажите подать людям воду.

— Да-да, немедленно! Немедленно напоить прибывших! — раздался его звучный приказ. — Господин Маслов, распорядитесь напоить людей!

Степанов видел, как Маслов грубо, в шею, погнав своих людей за баклагами с водой. Несколько солдат, бухая сапогами, безмолвно скрылись в бараке. Гнев сверкал в глазах губернатора, он обратился к своему спутнику:

— Как вам это, господин председатель? Что, преступник — уже не человек?

— Лишения в этапе неизбежны, ваше превосходительство. Но расторопнее жандармам быть надо.

Степанов выхватил баклагу из рук подбежавшего солдата, выдернул пробку и стал наливать в кружку воду, которую держал служивый. Руки губернатора дрожали.

— Пейте, князь, пейте! — подал он кружку арестанту.

Тот, не вставая, принялся жадно пить, стуча зубами о кромку.

Степанов знал князя как изыскателя новых возможностей в производстве продуктов сельского хозяйства. Знакомство состоялось шесть лет назад, когда в Императорском обществе испытателей природы и Московском обществе сельского хозяйства Шаховского ставили в пример как образцового хозяина. В своих записках князь отмечал: «По приезде в имение жены в село Ореховец нашли мы крестьян в великой бедности и, желая облегчить их жизнь, положили значительный капитал, обратив часть оного на усовершенствование хлебопашества и хозяйственных заведений». Князем была ликвидирована чересполосица, крестьяне получили лучшую землю, была сокращена барщина, введено многополье, залужая пашни бобовыми травами с последующей распашкой под хлебá, парьё. Князь приобретал современные плуги, культиваторы и сеялки для крестьян, контролировал использование орудий не только на собственных землях, но и на наделах крепостных. Расширил овощеводство. Доходы крестьян и самого хозяина увеличились, что стало причиной недовольства соседней и доноса на Шаховского, рушившего патриархальные устои крестьянского бытия. Памятуя увлечение в первое время развитием хозяйства в своём имении, Александр Петрович был удовлетворён нововведениями князя и сам стремился к тому же, внедрял хозяйственные наработки как в Ловати, так и здесь, в менее благоприятных условиях, вникая в нужды земледельцев. Теперь, увидев плачевное состояние осуждённого, решил оказать ему хоть какую-то помощь. Губернатор распорядился снять с Шаховского кандалы и, выяснив, что арестанта ждёт этап в Туруханск, приказал оставить его на три дня в Красноярске, чтобы подкормить, дать сил добраться до места ссылки.

— Не положено, ваше превосходительство, — возразил пристав, — обязан о таком деянии вашем сообщить в Третье отделение.

Мартос беспомощно развёл руками, на немую просьбу Степанова о поддержке. Судья подошёл к Маслову и что-то негромко стал говорить.

— Не могу, даже из уважения к вам, господин Мартос. Донесение обязан отправить.

Степанов слышал эту реплику, горько усмехнулся, но от своего намерения не отказался и подумал: «У Маслова злой ум, хотя человек начитанный и весьма образованный. Но злой ум не способен творить добро, участливо заглядывать в души людские, особенно повинных».

Убедившись, что все арестанты напоены, а с Шаховского сняты кандалы, губернатор распорядился принести ему отчёт о запасах продовольствия, какого объёма потребуется дополнение и уехал

в контору. Через секретаря Родюкова отослал распоряжение городскому голове о том, сколько же необходимо отправить в острог муки, сухарей, вяленой рыбы. Назавтра он снова посетил острог для беседы с Шаховским. В присутствии пристава губернатор спросил:

— Думаете ли вы, Фёдор Петрович, в этом суровом крае заниматься возделыванием сельскохозяйственных культур?

— Есть такое желание и мысли, коли позволит климат, да будет это угодно Всевышнему и императору,— отвечал арестант.

— Я пошлю вам по весне семена картофеля. Крестьяне в деревнях выращивают этот прекрасный продукт питания. Есть хороший сорт. Попробуйте. — С превеликой охотой, ваше превосходительство, займусь опытом. Разводят ли там скот?

— Есть такие подвижники, но держат коров всего две семьи. Люди там занимаются рыболовством, охотой. Добывают пушного зверя: соболя, куницу, песца— наше мягкое золото. Угодно ли вам это ремесло?

— Нет, мне неведомы такие способности.

Губернатор проследил за тем, какие продукты были закуплены на деньги из фонда Приказа общественного призрения, велел сытно кормить в остроге арестантов, особенно тех, кто отправляется в новый этап на поселение,— в частности, Шаховский в Туруханск, а Семён Краснотутский на восток⁷.

Поредевший этап ушёл в разные округа губернии. Степанов писал в инстанции о том, чтобы Шаховского, как человека, склонного к сельскохозяйственной науке, весьма начитанного и целеустремлённого, можно было использовать в этой области. Туруханский голова был не против предложения губернатора, поселил ссыльного в семью, что держали крупнорогатый скот. Князь наладил деловую переписку с ботаником Григорием Ивановичем Фишером, основателем Московского общества испытателей природы, так как был с ним лично знаком, сообщал ему о климатических условиях, фауне и флоре, высказывал свои соображения в разведении картофеля, овощей, просил его советы.

Несколько писем губернатора и арестанта миновали жандармского надзирателя, и от Степанова немедленно потребовали объяснение в Третье отделение— орган политического надзора и сыска в империи. Губернатор отвечал: «Переписка наша имеет сугубо хозяйственный характер, направленная на испытание возделывания некоторых культур. Ежели он разводит картофель и другие разные овощи, которых прежде в Туруханске не было, и будет их раздавать и продавать жителям, то сие не может принести никакого вреда, кроме пользы».

Сотник Сапожников сообщал в надзирающую канцелярию о поведении Шаховского: «Имею

честь донести, что насчёт нравственности Шаховского наружного распутства не замечено, от жителей как Туруханска, равно и от живущих от Туруханска вверх по Енисею приобрёл особое расположение через ссужение их деньгами, обещанием улучшить их состояние через разведение картофеля и прочих огородных овощей, провозвещая им дешёвизну хлеба и прочих вещей, в крестьянском быту необходимых». В следующем донесении сообщается, что «...преступник располагает иметь в Туруханске домоводство и скотоводство, разведение картофеля и прочих овощей».

Однажды председатель губернского суда Мартос осторожно высказал пожелание: прекратить всякое общение с государственным преступником. — Оно чревато последствием, ваше превосходительство. Надзирающий в Туруханске сотник Сапожников— человек неугомонный, службист и строчит на князя донесение за донесением, хотя тот ничего противозаконного не совершает.

— Именно противозаконного. Вы знаете, Алексей Иванович, что князь в своём имении стремился облегчить жизнь крестьян. Вот и здесь помог жителям Туруханска погасить недоимки по повинностям, израсходовав триста рублей, присланных ему женой.

— Относительно закона тут нет нарушений. Человек тратил свои деньги. Но моральное воздействие на такой шаг шеф политического надзора Бенкендорф посчитал нежелательным. Преступник— а вот добрый!

— Мне хотелось бы знать, не этот ли шаг князя повлиял на решение Бенкендорфа и приказ: «Губернатору предписывается позаботиться о перемёне места жительства Шаховского и надлежит назначить город, который он сочтёт необходимым в данном случае, но с тем, чтобы Шаховский от этого ничего не выиграл».

Мартос был чуткий человек, хороший психолог и видел, как Степанова волнует судьба одарённого человека, который может обогатить суровый край своими исследованиями, сочувственно относился к эмоциям губернатора, но, вставая на букву закона, напрямую поддерживать его не мог.

— Ранее я ходатайствовал о переводе Шаховского в Красноярск для продолжения опытов с сельскохозяйственными культурами, чем он активно занимался в своём имении, писал статьи

7. В Красноярске и в губернии жили декабристы: Ф. П. Шаховской (1826–1828), С. Г. Краснокутский (1831–1838), М. А. Фонвизин (1836–1838), Н. С. Бобрищев-Пушкин (1831–1840), П. С. Бобрищев-Пушкин (1832–1840), М. Ф. Митьков (1836–1849), М. М. Спиридов (1839–1854), В. Л. Давыдов (1839–1855). Из списка видно, что тесное общение с декабристами у Степанова было только с Шаховским.

и публиковал их. Вот письмо Фишера, он просит меня всячески оказывать Шаховскому поддержку,—возбуждённо говорил Александр Петрович, что вполне соответствовало его характеру.—Мне было отказано. И вот теперь разрешена перемена места жительства. Я выбрал благоприятный Минусинск. Жду ответ.

Вскоре пришло назначение: город Енисейск, расположенный ниже слияния могучей Ангары с Енисеем, где успел побывать сам Александр Петрович, найдя его в хорошем состоянии, успешно развивающимся на рыбных промыслах, золотодобыче и пушине. Подспорьем к этому мастера железных дел отливали на заводе церковные колокола, и они звонили чистым звуком не только в Енисейской губернии, но и за её пределами.

В начале августа следующего года Шаховской отбывает на новое место ссылки, с надеждой развернуть свои изыскания в более подходящих климатических условиях, собираясь по весне устраивать парники для выращивания капусты, огурцов, свёклы. И, конечно, картофеля, как уже повсеместно отмечалось его значение в качестве второго хлеба.

Длительная зима, постоянный надзор подорвали душевные силы Фёдора Петровича.

О душевной болезни декабриста Степанов по различным каналам узнаёт только летом 1828 года, даёт распоряжение поместить его в городскую больницу, собираясь при случае навестить и оказать ему посильную помощь. Одновременно княгиня Шаховская добилась перевода больного мужа в Суздаль. Находясь в курсе дела декабриста, губернатор хлопочет о пересылке многочисленных заметок и дневников Шаховского о наблюдениях и изысканиях природных условий, почв севера Енисейской губернии для земледелия. Александр Петрович понимал, что забота о государственном преступнике, хотя и не признавшем своей вины, ничего хорошего не принесёт, но поступить иначе не мог. Безусловно, такое поведение губернатора раздражало Николая I, следившего за делами декабристов, но безупречное служение Степанова сдерживало императора от резких шагов до поры до времени.

Александр Петрович имел обыкновение делиться своими впечатлениями и переживаниями по многим событиям и случаям в жизни губернии с женой. Чаще всего беседы проходили вечерами во время трапезы. Теперь они перешли в спальню, где, прикованная недугом к постели, находилась Екатерина Федосеевна. В морозный вечер января Степанов торопился в дом, к жене, рассказать ей о том, что в острог прибыл его старый знакомый Краснокутский. Александр Петрович прямо с мороза, сняв пальто, вошёл в спальню.

— Саа, от тебя веет свежестью морозной. Как приятно вдыхать такой воздух. Прикажи вынести меня в сени, хочу взглянуть на застывшие во сне обледенелые берёзы, что стоят во дворе. Однако ты чем-то возбуждён? Рассказывай.

— Но твоя просьба.

— А ты прикажи и рассказывай.

— Да-да, душа моя. Оденем тебя в шубу и вынесем в кресле в сени. Ермолай, ты слышал просьбу Екатерины Федосеевны? Приготовь кресло с пуховым одеялом. Евдокия, подай госпоже шубу, шаль, валенки, одень теплее.

— Так каковы новости в губернии?

— Всех не перескажешь, душа моя. Декабриста Краснокутского отправил в Минусинск на поселение. Прибыл он к нам из более сурового Витима, что стоит на реке Лена. Хлопотала за него сестра. Милость снизошла. Семён Григорьевич—участник Бородинского сражения, дрался под Тарутино и Малоярославцем, покорял Париж, вышел в отставку генерал-майором, служил обер-прокурором. Он болен ревматизмом. Я написал окружному начальнику Кузьмину и просил оказать поселенцу всякую помощь и защиту.

Екатерину Федосеевну укутали в тёплое. Ермолай и Александр Петрович усадили больную в кресло, вынесли на веранду со стёклами, подёрнутыми инеем, открыли дверь, и губернаторша увидела в сумраке вечера стоящую заиндевелюшую берёзу с опущенными низко над сугробами снега ветвями. Накануне упала лёгкая оттепель, а сейчас снова ударили морозы, и деревья оделись в сказочное льдистое убранство, горя мириадами алмазных бликов от солнечных лучей днём и от лампадных огней вечерами.

— Ты видел этого человека, друг мой?—по обыкновению с ласковой говорила Екатерина Федосеевна.—Чем живёт он духовно?

— Он тяготеет к историческим исследованиям. Сейчас его интересует история французского графа Малт-Брюна, переводит его труды,—Александр, надев пальто, сел во второе кресло подле жены, взяв её правую кисть в свои руки.

— Ссылка не сломила дух декабриста?

— Как видишь, но он страдает болезнью ног. Я намерен просить позволения посетить Краснокутскому Тункинские минеральные воды.

— Друг мой, ты рискуешь снова прогневить Третье отделение, как это было с князем Шаховским.— Это мой порыв души. Князь не признал себя виновным в декабрьском восстании, поскольку не был на Сенатской площади, а лишь однажды несколько лет назад посетил совещание тайного общества. Против него было одно серьёзное свидетельство: якобы он готов был покуситься на жизнь царя. Писал записку Александру Павловичу о том, что надо искоренить в стране рабство.

В чём я с ним солидарен, за что можно обвинить и меня,—запальчиво говорил Степанов.

Сын псковского губернатора, Фёдор Шаховский был прекрасно образован, начитан, видел благо Отечества в просвещении. Не боясь гнева, он писал императору: «Мы должны занять от просвещения народов всё, что могло развить душевные и умственные способности, водворить промышленность, обучиться наукам, которые бы делали пользу Отечеству, для блага которого каждый из сынов должен посвятить жизнь свою. Крестьянство освободить от рабства».

— Я точно так же вижу благо для нашей страны — широчайшее просвещение народа, независимо от сословия. Грамотному крестьянину или мещанину проще изучить законы и соблюдать их. В чём же тут крамола?

— В том и есть крамола, друг мой: сам говорил, что тёмным человеком управлять легче, что мысль о конституции пугает многие слои дворянства и чиновников. Как я жалею, что оставила из-за болезни труд учителя. Я поняла, что учитель—это тот же первопроходец, пробирающийся сквозь дремучую тайгу к свету. Так и учитель, поставленный не в лучшие условия от чиновников, пробивается со своими знаниями в дремучее общество, несёт ему свет.

— Мысль твоя глубока по содержанию. Я вижу, насколько беспомощны наши усилия в просвещении народа нашего. Причины—детский взгляд самодержавия на просвещение. Я как губернатор не могу развернуться со школами из-за пустой казны. Я тебе признаюсь, душа моя, всячески стараюсь помочь учителям: бесплатно завозим дрова, селим в лучшие дома, помогаем с продуктами питания, одеждой, изыскиваем деньги на поощрение на грани нарушения закона. С декабристами тоже на грани нарушения.

— Будь осторожен, друг мой, за помощь декабристам тебя не пощадят, как не щадят талант Александра Пушкина, изгнанного из столицы сначала на юг, а затем в глухое село Михайловское. За что? За вольнодумные стихи, за солидарность его, я думаю, с чаяниями декабристов.

— Его «Кинжал»⁸, донесённый до нас в списках, потрясает политической составляющей против самодержавия. «И на торжественной могиле горит без надписи кинжал». Наша борьба за просвещение и есть тот «кинжал без надписи», направленный против всякого бесправия. Я рассказывал тебе о своих поездках по землям губернии, о том, что веду записи своих наблюдений, бесед с жителями, об их материальном достатке. Пока не вдаюсь в анализ, насколько хорошо или плохо богатство земель используется людьми для зажиточной жизни. Но вижу: недостаточно из-за того, что край не изведен, а дремучесть человека не позволяет умело взять это богатство.

Стеклоделательный Знаменский завод, выпуск писчей бумаги под Ачинском купцом Родионовым, колокольный завод у Енисейска, старательская золотодобыча—это малая толика от того, что может дать этот край. Родилось желание глубоко исследовать губернию, описать её подробно. Просветить!

— Вот и употреби свою энергию на благородное дело, оно менее опасное, нежели помощь декабристам.

— Ты напрасно тревожишься, Катенька, я не преступаю грань дозволенного.

— Но злые языки есть всюду. Довольно потчевать соловья баснями. Вели отнеси меня в столовую да накрыть стол. Проголодалась на морозном воздухе.

Александр Петрович немедля выполнил просьбу.

Это была последняя внятная и продолжительная беседа супругов, которую Александр Петрович запомнил на всю жизнь. Зима, как всегда, утяжеляла, сокращала его поездки по губернии. Теперь он никуда не стремился, видя, как медленно тает Катенька, был недоволен собой: казалось, могущественный за своим губернаторском столом, ничего не может сделать для жены. Он бессилен, как мальчик, не имеющий силы и возможностей добывать себе пищу. Многие часы проводил возле её кровати, вспоминая прожитые дни и годы. Она видела, как беспокоен сердечный друг, как порой нервничает оттого, что мало занимается делами, и отсылала его:

— Друг мой, тебя ждут в конторе. Экипаж подан, поезжай. Ты уж ничем мне не поможешь.

Эта фраза острым шилом колола его душу; сознавая свою беспомощность, он ехал в свой кабинет, кое-как вёл дела. Секретарь Иван Родюков видел, как у волевого и решительного губернатора всё валится из рук, и стремился переложить на свои плечи непосильную ношу, с большим рвением служить своему патрону. Однако понимал, что никоим образом не может заменить даже части того, что выполнял Александр Петрович.

Степанову предстояло пережить с уходом Кати то, что переживает всякий любящий человек с уходом дорогого человека и что невозможно вернуться к тому состоянию, в котором пребывал прежде.

8. Стихотворение «Кинжал» написано юным поэтом в период близкого общения с членами Южного общества декабристов. В последней строфе «...без надписи кинжал» заложен смысл предназначения оружия для борьбы против всякого тирана. Этот образ создан Пушкиным благодаря знаниям революционного движения немецких студентов, которые, по средневековым традициям, указывали на кинжале имя того, против кого он будет направлен.

То состояние покинуло его навсегда, как навсегда исчезает в небитие падающая и сгорающая комета, оставляя после себя только светящийся на мгновение след, и больше ничего. Катя же оставила после себя его, любящего, детей и воспоминания!

Порой он одёргивал себя за преждевременные мысли, но видел: они вещи, и ничего уж более не способно вырвать любимую из лап смерти. Он молил Бога не отнимать так быстро, не сиротить, и уж если это произойдёт, то дал бы ей лёгкую, без мучений, смерть. И снова назойливая, ставшая навязчивой идеей, повседневная мысль о том, что он, могущественный губернатор, не может даже сладить её мучений. Не потому ли, что он вовсе не могущественный, а добрый к людям, любит каждого, а этой-то любви, её силы не хватает, чтобы противостоять недоброму, злему оскалу жизни, оградить супругу от беды? И никто не может, даже государь—наместник Бога на земле. Как всё стихийно и непредсказуемо, как слёзы, катящиеся из глаз при панихиде.

Но надо было жить, трудиться и так жить, чтобы оправдать своё появление на свет, своё предназначение и в теперешнем состоянии совершить более весомое, нежели до этого делал,—за себя и за Катерину.

В середине февраля 1827 года Екатерина Федосеевна преставилась. Степанов с содроганием ждал этого неминуемого дня, готовил себя к неизбежному расставанию морально, предполагал то, как тяжело будет это расставание, не свалит ли его с ног. Тяжесть эта оказалась настолько великой, что придавила его к стулу возле гроба покойной на все три дня. Он не принимал пищи, кроме воды, до отпевания в Покровском соборе, поскольку священник Фортунат признан лучшим проповедником и был духовным отцом губернатора. Никакие увещания своих приближённых чиновников, высказывающих соболезнования у гроба, не воспринимать столь тяжко утрату, встать, собраться с духом, принимать пищу—не действовали. Слёзы утраты глушили все силы, а желаний никаких не было, и он читал молитвы с раскрытого Евангелия вслух, чаще тихим шёпотом. Просил Господа принять душу рабы Екатерины в рай, оставался безучастен, что встревожило многих.

После отпевания и похорон жены Александр Петрович не появлялся на службе всю следующую неделю. Состоявшиеся поминки на девять дней после кончины поразили чиновников тем, насколько губернатор исхудал, был бледен и молчалив. Никто не знал, как вернуть Александра Петровича к прежней жизни и службе. Он не мог смириться с потерей любимой жены, вопреки всяким запретам обретая с ней любовное и семейное счастье. Она была для него постоянным заинтересованным и внимательным собеседником, вместе с тем

ценителем и сподвижником всех начинаний. С ней он не скрывал своих мыслей, возникающих проблем, делился, выслушивал советы. В её обществе душа его отдыхала, а сердце таяло от любви, как масло на горячей сковородке. Она была бесконечно заботлива к нему, к своим детям, осеяла их такой же любовью и вниманием, и даже больше. Тепла её сердца хватало на всех, а голос всегда звенел в комнатах и на воле с неопишуемой музыкой и притягательностью. И вдруг всё это оборвалось, исчезло! Как можно смириться с потерей?

Бытовало мнение, что жена горюет по мужу или, наоборот, из-за жалости к себе: «На кого ты нас оставляешь? Как же мы будем жить без тебя?» В таких причитаниях и молве есть смысл и немалая доля действительности. Александр Петрович страдал иначе—не только от обрушившейся привычной жизни, а прежде всего от жалости к человеку, от недожитой жизни своего спутника. Жалость эта удесатеряется именно недожитостью, относительной молодостью человека и тем, насколько он дорог и любим. Степанов вспомнил, как его незабвенный патрон Сперанский, прожив с семнадцатилетней женой Елизаветой Стивенс всего год, потеряв её от чахотки, впал в депрессию и несколько недель не появлялся на службе. Говорят, что только дочь-младенец Елизавета вернула его к прежней жизни. Однако никто не смел упрекнуть его за столь длинную паузу в службе, а император Павел I лично высказал молодому, показавшему недюжинные способности чиновнику соболезнование и просил собраться с силами и приступить к делам.

Полученные соболезнования от императора Николая Павловича, а также от Сибирского комитета несколько укрепили дух губернатора, и он снова стал энергичным и деятельным человеком. И всё же потеря Екатерины Федосеевны изменила его. Он стремился больше бывать в поездках по губернии, а по возвращении в город, чтобы погасить гнетущую тишину в доме, приглашал на чаепитие своё близкое окружение, делился с коллегами полученными впечатлениями о дальнейшем развитии губернских поселений. Одно из них вылилось в трогательный рассказ.

На перегоне Ачинск—Красноярск в середине морозного февраля, спустя ровно год после кончины жены, губернатор остановился на станции, чтобы дать отдых лошадям, самому подкрепить силы, переночевать, а утром двинуться дальше. Едва смотритель обслужил Александра Петровича, как с улицы послышался шум подъехавшего экипажа и следом—французский говор дамы. Губернатор, намереваясь отправиться в отведённую ему комнату, задержался, чтобы узнать, кто там пожаловал. Впуская морозные клубы в дверь,

распахнутую слугой, вошла молодая женщина в липsey шубе. На голове поверх высокой причёски была накинута пуховая шаль. В тусклом свете свечей губернатор всё же смог оценить красоту тонких черт лица барышни. Она смело прошла в глубину помещения, остановилась против Степанова, удовлетворённая осанкой незнакомого и хорошо одетого господина.

— О, зравья жлаю, — сказала она, жутко искажая русские слова, и через паузу произнесла приветствие на чистом французском.

— Вас приветствует на сибирской земле губернатор Енисейской губернии. Я к вашим услугам, — сказал он на французском. — Прошу прощения, сударыня, насколько известно, в моей губернии никто не заказывал гувернантку. Очевидно, вы следуете дальше? Но прежде, прошу вас, располагайтесь, и мы выслушаем вашу историю.

— Я не гувернантка, — с иронией ответила дама, снимая с плеч в руки слуги шубу, — а Жанетта-Полина Гебль, модистка.

Во время этого короткого диалога второй слуга, вошедший следом, на русском языке обратился к зрителю с просьбой ночлега, пищи и смены лошадей. Губернатор назвал себя по имени, чем вызвал восторг у барышни, и согласился составить компанию за столом, стремясь утолить жажду любопытства: причина столь необычного путешествия иностранки. Вскоре француженка уселась за стол за поданный ужин, состоящий из сибирских пельменей в сметане, пирогов с ливером и чая из самовара. Утолив голод необычным и понравившимся блюдом, раскрасневшись от горячего чая с мёдом, бесстрашная Жанетта-Полина рассказала о себе и о цели опасного путешествия через всю Сибирь в Забайкалье, на Нерчинские рудники.

«Сударыней движет любовь!» — восхитился Александр Петрович поступком дамы, понимая её чувства, поскольку сам глубоко любил и был любим.

Жанетта-Полина Гебль — дочь наполеоновского офицера, получила хорошее образование и, слывя красавицей, приехала в Москву и устроилась в торговую фирму в качестве модистки. Вскоре она познакомилась с поручиком Анненковым, жившим в доме своей матери, и молодые люди с первого взгляда влюбились друг в друга. Судьба уготовила им продолжительную встречу в Пензе, где Полина находилась со своей фирмой, а поручик Анненков закупал для батальона лошадей. Эта встреча определила дальнейшие отношения влюблённых. У вдовы-матери Ивана Александровича были обширные имения в Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерниях с тысячами крепостных душ. Под предлогом объезда этих земель молодая пара путешествовала несколько недель вместе. И среди них произошло то, что

происходит среди влюблённых: они отделились друг другу полностью. После грешной ночи поручик договорился на тайное венчание в одной из деревень близ села Пятино, где жила мать. Однако венчание не состоялось: Полина испугалась будущего гнева Анны Ивановны, который мог последовать незамедлительно. В Москву влюблённые вернулись глубокой осенью.

Слушая этот эпизод, Александр Петрович видел на месте поручика себя, но с той разницей, что его Катя не испугалась гнева ни своих родителей, ни маменьки Пелагеи Степановны (царствие небесное родным). Теперь же поступок влюблённой модистки, едущей к мужу на каторгу, снискал глубокое уважение к смелой сударыне.

Очаровал следующий шаг Полины. Арест Анненкова, осуждение его на вечную каторгу в Забайкалье не убили любовь в сердце Жанетты-Полины. Вскоре после восстания она родила дочку, которую не приняла мать Анненкова, как незаконнорождённую. Сие обстоятельство подвигло Полину на неслыханный по своей дерзости поступок: она написала на французском языке письмо императору, чего не позволял этикет, и прислала разрешения у него отправиться к Ивану Александровичу.

— Вот это письмо, — сказала Гебль, доставая из сумочки, как драгоценность, конверт и в нём сложенный лист с росчерком императора.

Александр Петрович развернул лист и прочитал строки:

«Ваше Величество,

позвольте матери броситься к ногам Вашего Величества и попросить, как милости, позволения разделить ссылку с её незаконным супругом. Религия, Ваша воля, Государь, и закон учат нас, как исправлять свои ошибки. От всего моего сердца я приношу себя в жертву человеку, без которого я более не могу долго жить... Согласитесь, Государь, открыть состраданию Вашу большую душу, великодушно позволяя мне разделить с ним ссылку. Я отказываюсь от моей национальной принадлежности и готова подчиниться Вашим законам. У подножия Вашего трона я умоляю Вас на коленях даровать мне эту милость. Я надеюсь на неё. Остаюсь, Государь, покорной и преданной подданной Вашего Величества».

«Это любовь, только любовь может заставить человека пойти на такую жертву!» — вновь восхитился Степанов.

— Император был покорён напором моей любви к арестанту, — со слезами на глазах говорила Полина. — Нет, он был восхищён моим поступком и дал согласие, повелев выдать мне три тысячи рублей на дорогу. Таков великолепный царский жест! И вот я теперь здесь, перед вами, господин губернатор. Завтра со своими слугами мы тронемся в далёкий и неизвестный Забайкальский край, где на берегу

реки стоит заснеженный рудник Нерчинск⁹. Наша дочь Александра оставлена у Анны Ивановны, которая переменила свой гнев на милость после царственного жеста Николая Павловича.

— Полина, я не менее, чем государь, восхищён вашим поступком. Вы совершаете благородный душевный подвиг, о котором наши потомки сложат песни и легенды. Поклонитесь от моего имени всем осуждённым, особенно знакомым — барону Владимиру Ивановичу Штейнгию, братьям Николаю и Михаилу Бестужевым, которые находятся там же, где и ваш Иван Александрович.

— Я вам напишу, господин губернатор, если встречу этих несчастных. Мне очень приятно встретиться в этих диких заснеженных местах человека с доброй душой, — растроганно говорила Полина. — Мне интересно знать, господин губернатор, знаете ли вы поэта Пушкина?

— Конечно, о нём восторженно отзывался Державин.

— Как вы относитесь к его творчеству?

— То, что удалось прочитать в журналах и в списках, — несомненно, у него божественный дар. И что характерно для него, как я заметил: он рассуждает поэтически языком о свободе, чести и совести. Его юношеское стихотворение «Лицинию», где «свободой Рим возрос, а рабством погублён», я вижу, как эти строки касаются российской действительности, где процветает крепостничество. — В таком случае по большому секрету я покажу вам стихи Пушкина «Во глубине сибирских руд»¹⁰. Я их выучила наизусть, послушайте и оцените:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора...

Полина с большим напряжением памяти читала строфы, с довольно сносным акцентом, но тут она споткнулась, наморщив лоб, и открытый от причёски лоб, прикоснувшись к нему пальцами правой руки, припоминая стихи дальше, но так и не смогла продолжить.

— Пардон, волнуясь, не могу вспомнить дальше. Там про оковы тяжкие, которые обязательно «падут, и братья меч вам отдадут». Вы понимаете, о чём речь? Я обязательно вспомню и целиком прочитаю моему мужу.

— Жаль, сударыня, жаль, что не услышал заключительные строфы, — горячо откликнулся Степанов. — Я сам поэт и вижу в этом послании страстную и сердечную поддержку ссыльным декабристам. Он ободряет вставших тем, что начатая ими борьба за справедливое общество не пропадёт и её продолжат борцы нового поколения. — Вы подтверждаете смелые мысли поэта, господин губернатор. Я тоже так думаю, но вслух не высказываюсь. Это небезопасно. Я буду молиться за ваше благополучие. А сейчас пора отдыхать возле натопленной печи, впереди долгий путь.

— Не смею вас задерживать, мадам! Удачи и дальнейшего мужества!

9. С двумя слугами Полина отправилась в Читу 23 декабря 1827 года. Добралась до Читы в первых числах марта следующего года. В апреле в деревянной Михайло-Архангельской церкви Читы Полина повенчалась с Иваном Александровичем, став Прасковей Егоровной Анненковой. Только на время венчания с жениха были сняты кандалы. Лишь после 30 лет жизни в Сибири Анненковы получили разрешение выехать из мест ссылки и поселились в Нижнем Новгороде. Полина умерла на восьмом десятке жизни. Перед смертью она продиктовала дочери Ольге воспоминания о своей жизни, где упомянут губернатор Степанов. Ольга Ивановна перевела текст на русский язык и издала в конце XIX столетия в журнале «Русская старина». Образ жён декабристов был воплощён в двух художественных фильмах советских сценаристов и режиссёров.

10. Стихотворение «Во глубине сибирских руд» А. С. Пушкин написал в 1827 году от впечатлений после встречи в Москве с Марией Волконской, ехавшей к мужу, декабристу С. Волконскому, сосланному в Сибирь на каторгу. Стихи были отправлены туда с женой декабриста Муравьёвой, также поехавшей к мужу в Нерчинские рудники. При жизни поэта стихотворение опубликовано не было. Но оно быстро разошлось в списках среди молодёжи и почитателей таланта Пушкина.

Много раз Александр Петрович возвращался в своих мыслях к движению декабристов, соприкасался с этими людьми, в целом противниками самодержавия. Он разделял благородную цель членов «Союза благоденствия», о котором знал через Батенькова: «...цель их есть одно — благо отечества, и эта цель не может быть противна желаниям правительства... что учреждаемое общество хочет быть ревностным пособником в добре».

«Добро к людям придёт через свободу, — думал Степанов, — к тем, кто трудится на полях с сохой, даёт мясо и молоко, кто ладит в своих мастерских посуду, обувь, шьёт одежду, куёт скобяной товар. И добро бы это ширилось через школы и училища, лицеи и университеты, не штучным образом, а массой народной. Так бы повести посев знаний, чтобы он осветил жизнь, пророс могуществом, как злаки на чернозёмной почве всходят неисчислимым количеством, способные вылиться в колосья и обогатить стол каждого гражданина земли русской!»

Упрекнуть себя в бездействии губернатор не мог. Он бы гораздо шире развернулся с просвещением,

если бы казна отводила достаточно средств для школ, училищ, для оплаты труда учителей. Но скудны эти средства, меценатская помощь — капля в море. Развитие губернии не стоит на месте. Разрастаются города, открываются новые промыслы, работные дома, хлебные магазины, школы, больницы. Вот и в культурной жизни шаги. Музыканты, певцы в царские дни и на ярмарках дают представления. Вместе с Соколовским собрали первый в Сибири альманах. Сборник отправлен в столицу для печати. А надо бы в будущем завести свою типографию. Писчая бумага есть своя. Только что побывал на фабрике у купца Родионова. Бумага его расходуется всюду по губернии, но купец просит содействия в продаже за пределы по предложенному списку. Поддержка ему горячая. Рабочие у него живут в своих домах, получают зарплату выше европейского уровня, даже германского. Кроме того, люди держат скот, занимаются огородничеством. Особенно картофелем, который губернатор постоянно рекомендует для разведения во всех округах. А это, брат ты мой, сытный и разнообразный стол. К тому же люди купца рыбалят на Чулыме.

Родионов показывал, как многодетный и хваткий рабочий Шумилов на зиму берёт наплавными сетями рыбу бочками. Рыба у него свежая, мороженая и малосолёная — хариус и ленок. Вкус оценён губернатором по самую высокую шкалу. Весьма существенное впечатление вынес губернатор от этого общения с купцом и его рабочими: «Они свежи умом и смелы в объяснениях своих поступков и желаний. Отсюда вытекает главная их черта: люди эти горды своею свободой!»¹¹ Александр Петрович эту гордость увидел в своём кучере Кузьме после того, как дал ему вольную, и после изгнания французов мужик стал удачливым извозчиком.

Александр Петрович прошёлся по комнате, приказал добавить свечей и уселся за стол, чтобы занести в журнал свои наблюдения о поездке по Ачинскому округу и реке Чулыму для задуманного систематизированного исследования о землях губернии, о жизни местного населения. Он любил этот порыв души, подчас ураганной силы вдохновение приковывало его к столу на многие часы, чтобы излить в сочинении свои мысли.

Вернувшийся из Петербурга чиновник для особых поручений Владимир Соколовский привёз дополнительную кипу напечатанного и уже прочитанного в Красноярске первенца «Енисейского альманаха» и много интересной информации о жизни столицы, о своих личных впечатлениях от встреч с чиновниками и литераторами. Главная из них — общение с Василием Андреевичем Жуковским. Поэт весьма одобрительно отозвался

о выпуске альманаха и об обществе любителей словесности «Красноярская литературная беседа», о чём писали в журнале «Сын Отечества» Н. И. Греча и в журнале «Отечественные записки» П. П. Свинына. Степанов, пылкий поэт Владимир Игнатьевич Соколовский, публицист Алексей Иванович Мартос, уже блеснувший изданной книгой «Письма о Восточной Сибири», а также председатель Енисейской казённой палаты Иван Семёнович Пестов, в тесной связке работали над выпуском альманаха, создавали литературное общество, отыскивали любителей чтения, ставили их в свои ряды. Все они стали авторами сборника. Кроме того, в их ряды вошли туруханский фельдшер Яроцкий, енисейский земский исправник Третьяков. Губернатор напечатал свои стихи, краеведческую статью «Путешествие в Кяхту из Красноярска». Отмечены были сатирические стихи Владимира Соколовского и помещённый отрывок из будущей книги Пестова «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири».

Князь, поэт и литературный критик Пётр Андреевич Вяземский писал, что красноярские авторы «умеют хорошо и дельно говорить о провинции своей».

— Василий Андреевич Жуковский при мне прочитал ваши стихи, похвалил, заметил, что ранее был знаком с вами, желает дальнейших успехов в словесности, — с жаром рассказывал Владимир Игнатьевич. — Вот эти стоки:

Я лечу под парусами
Между гор и средь лесов,
Вслед за бурями и льдами:
Бог мой щит и мой покров!
С Ангары до устья моря
Вижу дикие страны;
Нет здесь радостей, нет горя:
Образ вечной тишины!
<...>
Дикари! Скорей толпою
С горных скал на Енисей!
Подружитесь со мною —
Я ваш брат, люблю людей!

Александр Петрович был польщён. — Спасибо Жуковскому за внимание — патрону Александра Пушкина, чья поэзия нас восхищает, а его возносит на всемирную высоту.

Вспомнили о том, где были написаны эти стихи. Губернатор собирал экспедицию в Туруханский край. Цель — подробно обозреть северные земли, описать их для задуманной книги, познакомиться с людьми, одновременно провести культурно-просветительную работу. Для этих целей речники Красноярска снарядили парусное судно, поставив

11. Фраза взята из книги А. П. Степанова «Енисейская губерния».

на палубе палатку для губернатора и чиновников, вторую — для группы артистов, в которой разместились плясуны, певцы и музыканты. Их задача — давать концерты в населённых пунктах.

Александр Петрович шёл по Енисею в северные пределы впервые. Когда прошли занозистый Казачинский порог, река пленила людей своим величием, тишиной, таёжным береговым ожерельем, заставив их то возбуждённо, то молчаливо взирать на окружающие красоты летней акварели и на этом фоне более ярко высвечивающееся бездонное синее небо. Величие природы вдохновило Степанова на стихи, он набросал несколько четверостиший, озаглавив их «Страны востока оставляю», с тем чтобы вернуться к ним.

Ветер активно гнал парусное судно. К исходу второго дня движения путешественники увидели величавое слияние Ангары с Енисеем. Оно поразило едва ли не морским разливом; больше всего тем, что Ангара здесь гораздо шире и могучее узаконенного отца-Енисея. Степанов уже слышал сказ о том, как девица Ангара сбежала от отца-Байкала к своему возлюбленному и как разгневанный Байкал швырнул вслед за беглянкой утёс, но повернуть воды вспять не смог.

Среди пассажиров возникли споры о том, что Ангара притязает на имя Енисея не напрасно, поскольку визуально более полноводная: вытекая из Байкала, принимает в себя десятки рек.

— Посмотрите, какая мощь идёт с востока, теснящая воды Енисея! Она главная река!

— Да, мощь есть, но Енисей до слияния гораздо больше вобрал в себя рек, прорезал себе русло в великих Саянах и других горных хребтах! Нет, его могущество выше.

— Не оттого ли разлив Ангары кажется нам великим, что могучие воды встретили беглянку и потеснили её ток, расширило русло? Веками идёт это непрерывное противостояние, неудержимый енисейский подпор, и более податливый правый берег медленно размывается, потому тут такая ширина Ангары!

Степанов слушал спорщиков, добродушно улыбался и был склонен признать последнюю версию. — Думаю, русло Енисея более глубокое и древнее. Несёт он воды стремительнее, чем Ангара, спускаясь с заоблачного истока Восточного Саяна¹². Великий объём воды и натиск стиснут береговыми скалами, — высказал свои соображения Степанов. — Все наши версии требуют изучения.

Пройдя островок, губернатор приказал чалить судно к посёлку Стрелка на ночлег. Назавтра состоялось знакомство с местными жителями, потомками казаков Бузиным и Падерой, основавших в 1637 году поселение. В нём развернулся перевалочный пункт товаров с одной реки на другую. Жители посёлка с первых лет и по сей день занимаются земледелием, охотой, рыбным промыслом, имеют различные ремёсла, строят маломерные суда. В честь встречи творческая группа дала концерт с песнями и плясками, акробатическими номерами. Сам же Степанов прочитал свои стихи, а также Пушкина, Дмитриева, Крылова, с двумя последними он имел честь быть знаком.

Впечатления от величия рек вновь вдохновили Степанова, и он написал стихотворение «Между гор и Енисеем». Стихи понравились музыкантам Илье Семёновичу Скорнякову и Андрею Прохоровичу Попову. Да и не могли не понравиться при живом авторе, умелом чтеце, каким слыл всю свою жизнь Александр Петрович. Сговорившись, они написали на стихи музыку и стали разучивать с певцами, чтобы в Енисейске, а затем в Туруханске включить песню в концерт. Времени было достаточно, вдохновения не занимать, полнота сил — как воды двух могучих рек, потому репетировали с прилежанием и доставили немалое удовольствие северянам.

Соколовский же и огорчил иными рассуждениями относительно некоторого содержания альманаха. Столичные критики говорили, что в нём нет политической направленности на обновление общества и государственной власти. Мол, авторы альманаха далее высмеивания отдельных пороков чиновников, их узких меркантильных интересов и вещизма не идут.

— И что же, разве передовые словесники не понимают силу таких публикаций? Им подавай конкретных носителей зла, такого прямого выступления? — возразил губернатор. — Пример тому — басни Крылова, многие стихотворения Пушкина. Прямое выступление свершилось в декабре двадцать пятого года и потерпело сокрушительное поражение. Наше невольническое общество, не мне вам говорить, не готово к радикальным преобразованиям. Оно малограмотное. Его надо учить. Пока темень будет в душе человека — нечего и думать о новом обществе.

— У нас с вами, Александр Петрович, в этом вопросе разногласий нет. Мы много делаем для повышения культуры человека. К сожалению, движение это медленное. Даже местное самоуправление порой заметно отстаёт от губернского уровня. В сторону отбрасываются заботы о простом человеке, о его материальном достатке, не говоря уж о его духовной жизни, образовании.

12. Версия Степанова подтверждена современными исследованиями. Высота истока Бий-Хема (Большого Енисея) — 1521 метр над уровнем моря, длина его до слияния с Каа-Хемом в Кызыле — 605 километров. Высота истока Каа-Хема (Малого Енисея) — 619,5 метра над уровнем моря, длина — 563 километра. Высота истока Ангары — всего лишь 456 метров над уровнем моря.